

Расшифровка интервью

Дата: 18.09.2017

00:00:09

Олег Николаевич, расскажите, пожалуйста, про семью Вашего папы. Из какой он был семьи? Кто были эти люди?

Ну, он вообще из Твери. В Твери он родился. Там его отец, он был торговец, как сейчас предприниматель. Занимался торговлей и был довольно состоятельным человеком. Увлекался очень искусством. Это мой дед. У него на стенах были развешаны портреты видных людей. В основном композиторы, художники. У него часто собирались люди тех времен, тех уклонов, что ли, к искусству. Они играли там, разные квартеты делали, концерты дома у них. Ну, и потом родился у них мальчик. Назвали его Ася [Арсений]. Через 16 лет родился другой мальчик. Назвали Коля. Это будущий мой папа. Ну, почему такой вот разрыв, я не знаю. Потом искали мы данные о той семье, в которой родился мой отец. Данные. Трудно было, но, все-таки, мы разыскали то место, где они жили, разузнали кое-что об их семье. Ну, а когда родился маленький Коля, Коля родился в 1903-м году, он воспитывался в этой семье. А старший мальчик уже имел маленькое, начальное образование, но, в тоже время, и музыкальное образование. Потому, что папа был искусствовед, и ему хотелось, чтобы его дети тоже были такими. И вот этот старший братик, Арсений, начал учить моего папу, которому было лет восемь, на скрипке играть. Тот, играл, старший, уже хорошо и он хотел своего младшего братика тоже научить играть на скрипке. И вот, так отец начал свою деятельность как музыканта еще будучи мальчиком. Ну, а потом старший брат окончил Ленинградский технологический институт, стал инженером-строителем. Ну а папа, как только он окончил школу, родители настаивали, чтобы он пошел на работу, а он очень хотел учиться. И вот, что он делает: он убегает из дома сюда, в Питер, и здесь поступает в училище музыкальное, и там учится на скрипача. Потом он заканчивает музыкальное училище, выступает в консерватории тут у нас, на сцене. И потом, как-то он проходил мимо Варшавского вокзала, сейчас этот вокзал не работает, там было здание — кирха была Лютеранская, большая. И он услышал пение хора и игру органа. Его очень заинтересовало, что это такое, и он зашел в это здание, слушал орган, как он играет, прекрасно. Ну, органная музыка и тогда редка была, в те годы, начало прошлого столетия. И, когда закончилось это Богослужение, то он познакомился с руководителями и попросил разрешение сыграть на органе. Ему разрешили. И те псалмы, которые пели тогда, когда он был, в первый раз пришел, ранее, он сыграл на слух. Ну, потом узнали, что у него был абсолютный слух, музыкальный, тогда заинтересовались те, кто его принял там, и он стал адвентистом седьмого дня. В этой общине он познакомился с моей мамой будущей, и в 1927-м году они поженились. Родился я в 1929-м году, мне на днях было уже 88 лет. Их молодая жизнь протекала следующим образом. Когда я родился, то где-то через, может быть, полгода отца выслали за то, что он участвовал в нелегальном крещении. Статья такая была написана. Тогда не разрешали крещение совершать, а они как верующие люди... ну, крещение — это крещение. Человек вступает в завет с Богом. Он тоже принимал участие. Его, служителя, который руководил этим делом, отец-то был там только руководителем хора в то время, его выслали. выслали в Холмогоры, на родину Ломоносова, слышали такой городок. Там они лес добывали. А так как он был интеллигент, то он не выдержал этих условий жизни: все сырое, негде сушить. Он простыл сильно очень, в баракле он лежал, и температура была очень высокая, и попал в такую ситуацию, что он уже умирал. Такая была ситуация. Ну, не особо-то на них смотрели тогда, по поводу их выздоровления. И вот он услышал голос — молился, конечно — и услышал голос, знакомый для него. Оказалось, это тот человек, которому он жизнь спас. Пришел вербовать на работу в Мурманск. В мурманске тогда не хватало рабочих, и он приехал уполномоченным по вербовке рабочих в Мурманск, из Архангельской области. И отец попросил товарища, чтобы тот пригласил того человека, который зашел в казарму, подошел к его койке, они там на двухъярусных койках находились. Тот подошел и узнал его. Он говорит: «Я тебя не оставлю», — и взял его с собой. Как-то договорился, видно, с начальством. Увез сначала в больницу, в Мурманск увез, а потом вылечил его и направил его на курсы счетоводов, шестимесячные курсы. Там он закончил эти счетоводческие курсы, и он его взял в «Мурманрыб», трест, счетоводом.

00:09:22

А каким образом папа спас жизнь этому человеку?

Как он спас. Переплывал один человек Волгу в Твери. Прошел катер, а этот человек сидел в лодке со своей женой и дочкой тринадцатилетней. И теще захотелось перейти с одного конца лодки на другой. А тут эти волны. Лодка перевернулась, и эти девочки пошли на дно. А он спасал. Вначале жену хотел спасти, но она его обхватила, и они оба пошли на дно. Он еле-еле от нее вырвался, и она утонула. Бросился искать девочку. Не нашел. Они обе утонули. Он был

инженер-строитель, он очень расстроился из-за этого события, запил, все пропил, что дома было, и валялся под забором. И вот, в один поздний вечер отец возвращался с концерта, увидел его валяющимся, подошел, посмотрел. Он его не знал еще хорошо, притащил его домой к себе. Холодно было, а мама ворчала: «Зачем ты, Коля, всех подбираешь!» Вшей на нем было полно. Его помыли, переодели, утюгом всех этих вшей выпарили с него. Отец, как верующий человек, стал говорить ему, что есть еще надежда, что жизнь продолжается. Вы теперь должны восстановиться. В общем, убедил его, чтобы он встал на правильный путь и взялся за ум. И после этого этот человек действительно вернулся к нормальной жизни, стал работать и обязан был ему [отцу], как он считал, это инженер, жизнью. Когда они встретились, то он ему сказал: «Я тебе умереть не дам, как ты мне не дал». После этого он нас пригласил к себе в Мурманск, и там мы жили три с половиной года как ссыльные. Здесь был очень большой голод тогда, это был 1930-й год. Здесь люди умирали от голода, а там было очень много рыбы, и очень дешевая была рыба. И там они выжили. Я там много выпил рыбьего жира, потому что считали, что это очень хорошо молодому человеку, чтобы быть здоровым. А потом, когда освободили его, кончился тот срок наказания за это преступление, он вернулся сюда и здесь работал служителем Церкви адвентистов седьмого дня. Был музыкальным руководителем там, играл и многих научил играть на музыкальных инструментах. И вот это фотография 1937-го года. Мы втроем за год до этого ареста сфотографировались.

00:13:41

Пришли в 2 часа ночи 29-го января 1938-го года трое человек вооруженных — один офицер и два солдата с винтовками. Делали обыск у нас. А мы жили в Ольгино, тут недалеко, отсюда 16 км, по Финляндской дороге в сторону Выборга. В этом Ольгино мы жили на квартире. Комнатушка была такая, мы ее арендовали у хозяина. У хозяина жена умерла, а жена была адвентистка. Ну, и пригласили — мол так и так, приезжайте ко мне, теперь жены у меня нет, а свободное место есть. Туда мы приехали. Вот в эту комнатушку и пришли эти люди, хозяина заперли, а нас обыскивали. Что только они не искали. Они пришли в 2 часа ночи и ушли в 10 утра. Не знаю, что они искали, но утащили они от нас целый мешок литературы религиозного плана. Забрали Евангелие у меня. Я их пытался убедить: «Дайте мне Евангелие, причем здесь Евангелие? Вы папу у меня забираете, так хоть Евангелие оставьте». Но они не оставили. В Евангелие у меня была закладочка такая, на шелковой ленте типографический оттиск «Линкор». Красивый такой корабль. Мне эта закладочка была очень ценная, папа мне ее подарил. Где я читал книгу Евангелие, там я закладывал эту закладочку. Так они уже и нохали, и смотрели и так и сяк на эту закладку, думали, что там секрет какой-нибудь есть, но ничего там, конечно, не было. Но отдали закладку. А Евангелие мое забрали, Библию забрали, псалмы, из которых пели, тоже забрали. И еще забрали — очень жалко, конечно — тогда на русском языке не было перевода книг, у нас есть так называемое духорождество [нрзб.], через Елену — так вот, отец переводил с немецкого языка на русский книгу «Патриархи и пророки». Она довольна толстая, тут у меня есть в библиотеке, я могу вас ознакомить. Вот эти все конспекты, переводы, тоже забрали, арестовали. И вот этот целый мешок книг загрузили, одному солдату отдали. И он уже в 10 часов утра понес. Отца забрали. Отец при расставании попросил помолиться, мы помолились. Он сказал: «Все продавайте, если трудно будет, но скрипку не продавайте». Мы скрипку, конечно, сохранили, и я учился на скрипке тоже, играл. Но, не давали мне учиться, вот в чем дело. Я только мог закончить начальную музыкальную школу по скрипке. У меня справочка есть. И, так сказать, азы я, конечно, знаю, ноты знаю, играю немножко на пианино, на скрипке в собрании иногда играю, но, я не скрипач. Нельзя сказать, что я такой скрипач, как был отец.

00:17:36

А кто-то из понятых присутствовал при обыске?

Никто. Никого. Единственное, что, там был хозяин, могли бы его взять в понятые, закрыли его на замок. Ему помочиться надо было, пришлось [нрзб.], потому, что он не мог выйти.

00:17:59

А Вы уже взрослый? Вам сколько было лет?

Мне уже было девять лет. Это был 1938-й, а я с 1929-го. Где-то девять с половиной, где-то так было. Я помню все это хорошо.

00:18:12

А как Вам мама объясняла то, что происходит?

Ну, если мои глаза все видели, что ж тут объяснять? Все ясно было. Мне еще запомнились некоторые эпизоды. Когда офицер смотрел литературу отца, а у него была разнопрофильная

литература, он интересовался и астрономией, и физиологией, и как медик. Он учился в институте, на втором курсе медицинского института в Ленинграде учился, хотел на детского врача выучиться, но со второго курса его забрали. И офицер сказал так: «Вы разностороннее развитый человек». Дескать, разными сферами жизни интересовался. Забрали его. Он ушел.

00:19:09

А как себя вел отец?

Поблагодарил маму за совместно прожитую жизнь. Это, конечно, трудно рассказывать. Вот так это было. И потом мама ходила сюда, в Кресты, вот они тут рядом. Передачки передавала. Три недели принимали передачи, а потом перестали. Сказали, что их перевели в дальневосточные лагеря без права переписки. А фактически их убили и привезли на Левашова. Вот такая была история. Убивали в Большом доме, вот там вот, через речку. Ну а потом, по-моему, в 1959-м. Ну, когда вот Хрущев, помните, как-то Выступал, признавая ошибки партии. По-моему, в 1959-м, если не ошибаюсь [XX съезд КПСС, 1956-й год]. И вот тогда стали уже как бы немножко рассекречивать эту всю информацию о них, да. И мама поехала сюда, мама первая сюда приехала, мы еще были тогда в ссылке. Она приехала и стала добиваться, чтобы дали какую-то справку о муже, и так дальше. И, в общем, сообщили только, что выслан в дальневосточные лагеря, без права переписки. Я помню, еще Крупская была в 1939-м году, жена Ленина, и я ей писал письмо, чтоб она сообщила, где мой папа. Ну и там сообщила секретарь ее, что папа выслан в дальневосточные лагеря без права переписки. А я спрашиваю: «А когда он напишет?» — «Ну как ему разрешат, так и напишет». Вот такие были ответы.

00:21:24

Ну а потом, значит, как-то раз мама сюда приезжала, ну вот тут были все вещи, скоро нас, дали нам всего тут сутки, чтобы мы собрались и уехали. Ну, тут осталась и мебель осталась, там, и что-то такое... вещи. Она с собой все не могла взять. Да, и приехала сюда. Так это ей вменили за преступление, что зачем она приехала сюда без разрешения. За вещами человек поехал. Да, даже это в документах отмечено, да, вот в этих, что я нашел тут, в большом доме. Ну и, в общем, мы там вот были эти десять лет, да, а потом, когда мне дали направление из...я закончил там машиностроительный техникум, в городе Рыбинске, ну, сейчас он называется... тогда она назывался, по-моему, Щербаков, что ли, потом, ну, теперь Рыбинск называется, вернули старое название. Да, и закончил когда я там техникум машиностроительный, то по путевке мне дали направление в город Брянск, и там я работал, в Брянске, на заводе Дормаш — дорожных машин, строительство дорожных машин. Они специализировались именно по этим машинам. Защитил диплом и приехал туда. А маму выслали вот из этой ссылки в другую ссылку. Значит, ее послали... послали ее в Новосибирскую область. И там где-то очень далеко от железной дороги были торфоразработки. На север вот этой вот Транссибирской магистрали. И там вот она в болотах добывала этот торф, комарья там полно было. И я остался один. Я, собственно, защищал диплом один. Ни папы, ни мамы. Но и, следовательно, и денег у меня нет, я студент. Ну так, Бог помог, что у меня очень хорошо получалось с черчением, и мне мои коллеги, студенты, давали свои дипломные работы, чтоб я им начертил. И я чертил. И каждые шесть ватманов, больших таких, чертежей, стоили двести рублей. Если начертить. Ну, в то время такие тарифы были. И я эти денежки, тогда уже было, на что жить, и даже маме посылал. Вот так мы выживали. Ну, потом, когда я уехал уже туда, в город Брянск, то там уже, конечно, я стал уже зарабатывать, уже хорошие деньги. Тоже писал кругом, везде, в разные инстанции, ну, а толку никакого не было. Ворошилову писал, Берии писал, вот, там, кому-то еще там из руководителей, в общем, да, но ничего не получалось. И потом приходит телеграмма от мамы моей, а в телеграмме три слова: «Еду. Радуюсь. Мама». Меня Вызывает секретарь этого, директора завода — там громадный завод, очень большой был, несколько тысяч рабочих там работало — и говорит: «Арефьев, Вам телеграмма». Ну, я взял телеграмму, прочитал, что «еду, радуюсь, мама», и стал подпрыгивать от радости. Ну, а эта говорит, секретарша: «Арефьев, что с Вами? Что случилось?» Я говорю: «Вам не понять созвучий песен нежных». И очень рад был, что мама возвращается из ссылки. И вот она ко мне приехала, мы там устроили ее заведующей гостиницей. Там от завода была гостиница, вот командировочный приезжает, там останавливались, и она там заведовала этой гостиницей заводской, заводской гостиницей. И у нее, ей после ссылки поставили в паспорте так называемый «параграф номер девять». Это означало, что ты не имеешь права жить в больших городах, тем более в областных. А это был областной город. И ее, в общем-то, оттуда попросили уехать в течение суток. Она, конечно, уехала, устроилась там в каком-то, я забыл уже, городок какой-то там под Тверской областью. И устроилась сторожем в парке там, лодки сторожила. Там лодки были, плавали люди там на этих лодках. И оттуда ее выгнали.

00:26:49

А меня за это время забрали в армию. В армию. Мне было девятнадцать лет, я как раз принял крещение в церкви, вот в адвентистской церкви принял крещение. Мне даже не хотели давать крещение, даже, братья наши: «Тебе еще армия впереди, как ты там будешь, с субботой тебе надо устраиваться». Суббота у нас святой день, мы ее чествуем, богоблагословенный. Да, и поэтому мы так понимаем, что в законе как бы написано: «Помни день субботний, чтобы чтить. Вот шесть дней работай, а седьмой — Господу Богу твоему». Вот, значит, я так с этим намереньем пошел и в армию. А в армии, знаете, приказ начальника — это закон. Ну, шесть дней я служил — первую неделю — а на седьмой меня посадили «на губу», потому, что я не стал подчиняться, я не стал работать. И вот со мной, значит, поступали так: сначала пытались убедить логически, втолковывали, что так и так, Бога нет, напрасно ты это стараешься, и так дальше. Не помогает. Тогда они, значит, меня поставили на обучение в учебный полк, где учили на командиров. Ну и, значит, ну, закончил я там вот обучение — там полгода учили — не помогает. Тогда, значит, они начали меня, ну, делать такие мне задания, которые, ну, ни к чему не [приводили]. Например, зима. Надо рассыпать... Тут, говорят, плащ этот убери от этого, от снега. Ну, снега где-то приблизительно с полметра насыпало, вот убери его, мы тут будем заниматься. Ну, я это быстренько убираю, чтобы до субботы справиться, убрал это все, а там никому ничего не надо. Он говорит: «А, убрал?» Я до обеда убрал. А он говорит: «Ну вот», после обеда вот еще такой же мне отмеряет кусок. Ну, в общем, так стали на меня давить так физическим уже нажимать. Потом на гауптвахту садили за субботу, что я не работаю, а потом решили от меня избавиться. Каким образом: часть наша стояла в Рублево, вот, где сейчас наши руководители себе дачи понастроили. Наша часть охраняла Кремль от воздушной атаки. Пускали мы вверх аэростаты, заграждения, на тросике был на тоненьком, и поднимался до такого уровня, куда самолеты уже не залетали, на высоту. А на тросике была привязана мина. И вот если этот самолет летит — а эти все аэростаты расставлены в шахматном порядке — он обязательно наткнется на один из тросиков. И, если этот тросик не отрежет ему крыло, то эта мина все равно взорвется. И боялись летчики, и не летали. Но это было во время войны, конечно, еще, я-то уже там работал после войны. Служил, то есть, после войны. Поэтому... ну, просто наша часть предназначена была для охраны вот таких важных объектов, как Кремль, я уже говорил, охранялся во время войны. На случай войны мы готовы были защищать все важные объекты. Ну и, в общем, они там, мне там звание какое-то даже присвоили, когда закончил курсы по подготовке командиров. И они решили меня выслать, как сказал начальник штаба, туда, куда Макар телят не гоняет. И выслали меня в Архангельскую область, чуть ли не в те Холмогоры, в которых отец был. Значит, станция Кулой, Вельский район, и там я работал в лесу. Добывал лес. Норма у нас была — три с половиной метра погонных сделать лежневой дороги, для того, чтобы по ней потом можно было машинами вывозить из болота лес. Ну, такие делаются, знаете, представляете, что две колеи такие, три бревна кладем, и автомобиль по этим бревнам и шпалам проезжает туда, как по железной дороге поезд.

00:31:48

Что значит «выслали?» Это Ваша служба продолжалась таким образом?

Да-да, для продолжения службы. Для продолжения службы.

00:31:56

А сколько это длилось все?

Ну, в общей сложности я прослужил в армии три с половиной года. Ну, где-то, приблизительно, два с половиной я служил там, а один год под Москвой, там, в Рублево. Ну и там я добывал лес. В субботу я не вышел на это... почему? Что, как? Сначала по-хорошему, потом матом, потом разными там, в общем, уже с давлением таким, да, но видят — ничего не получается. На гауптвахту. А гауптвахта была такая: значит, это... там же болота, и вот там выкопан такой небольшой был квадрат, когда было жаркое лето, там было сухо, а когда была осень, весна или дождливое лето, то там была вода. Ну и там, естественно, сделали пол так из жердей, и когда эта вода поднималась, то и пол поднимался. Если ты один еще сидишь, тебя выдерживает этот пол, а если там двое, то тонет. И ты в воде сидишь. А крыша низкая такая, там в рост не встанешь, там только сидеть или лежать. Но лежать хорошо, когда сухо там. А когда в воде, ты не ляжешь в воду. Холодную, причем. Вот такие были приемы. Но тоже видят, что не получается ничего. Ну, я, конечно, молился Богу, чтоб Бог мне помог, в этом случае тяжелом. Да. И вот я как-то смотрю, едет какой-то человек знакомый, лицо. Думаю, подожди, это ж наш солдат. И когда я служит там, под Москвой, то там я время одно работал каптенармусом — это кладовщиком типа. Там мне дали, доверили все эти материальные ценности. И смотрю, едет наш парень, который все время просился, чтоб его направили по специальности в часть, в воинскую часть, где есть лошади. И он, значит, выпросился, его направили в эту часть как раз, где я вот работал. Но когда он уезжал, то он меня попросил, говорит: «У меня вот есть сапоги, но там болота, там надо все время сапоги, у меня есть на выход сапоги и такие обычные, мне бы хотелось, чтоб я пару сапог еще бы в запасе имел». Я говорю: «Ну, принеси мне старые какие-нибудь опорки, я спишу, а тебе дам новые». Потому что мне без опорков, ну, нельзя так делать.

И вот он принес опорки, я ему дал новые сапоги, и он уехал вот в эту часть. И работал фельдшером, по специальности. И когда я подошел к нему: «А ты-то как здесь?» Я говорю: «Для дальнейшего прохождения службы я здесь» — «Ой, что ты, я тебя заберу к себе!» Ну, и пошел к начальству, там хлопотал, чтобы меня передали в ветеринарный пункт. А я ж машиностроитель. Я с лошадьми ничего, не имел дела. Ни бум-бум. И он говорит: «Ничего, научись потихонечку». Да, и вот он меня сначала брал на операции, когда там делали операции лошадям, учил, в общем, обучал, как вести эту работу. И потом он, значит, проштрафился. Он любил очень девушек, ходил к ним, ну а чтобы ходить к ним, это надо деньги, а деньги тогда он решил добывать — стал продавать сбрую лошадиную цыганам. А сбруя-то там, в войсках, новая, все хорошее. И вот это заметили. Ну и, в общем, поскандалил там с этим, с начальником с одним, и тот его, как сказать, выдал, что он такой вот человек нечестный. Ну, его там поймали с поличным и, значит, решили его снять с работы. А больше ветеринаров нет. Меня вызвали в штаб, сказали: «Будешь работать ветеринаром». Ну, я прихожу, ему и говорю, что так и так. Он говорит: «Я ж тебя выручил? Выручил. Выручай ты меня теперь». Я говорю: «Пожалуйста, чем я могу тебе помочь?» — «Пойдем вместе, и ты скажешь, что „я не ветеринар, у меня документа нет, и я не знаю это дело, и поэтому вы меня освободите от этой...“, Тогда они другого не найдут, и меня поставят обратно». Ну, такие планы у него были. Я говорю: «Ну, пойдем, только вместе, чтоб ты слышал, что я говорю, а то будешь потом думать, что вроде как я на тебя наговорил». Ну и зашел я, разрешил. А командир этот, там полковник один был, говорит: «Что ты пришел? Ну, за него, там, за ветеринара хлопотать?» Я говорю: «Да, конечно, — я говорю. — Я же не имею образования ветеринарного!» Он говорит: «Не такие учились! Что, ноги лошадям йодом не можешь смазать, что ли? Кругом! Шагом марш! Принимай от него по списку там все это, лекарства, то есть, все эти химикаты, вот, и все. А на него я уже выписал приказ, чтобы он в роту шел». Ну, вот он это все слышал, конечно. И он пошел в роту, но в роте его взяли, сделали медицинским этим... медиком. То он был ветеринаром, то стал лечить солдат. Ну, короче, в общем, ему не хуже там было, конечно. Ну, а я осваивал эту ветеринарную службу. Я... там было семьдесят голов лошадей рабочих, и вот они у меня там работали. Когда, значит, я стал ветеринаром, то я там сделал так: я в пятницу принимаю всех больных лошадей, в субботу они отдыхают, как и все адвентисты, а в воскресенье неприятный день. Ну, и потом сам ездил за продуктами, потому, что эта конюшня была далеко от воинской части. Да, и там я брал продукты, которые мы кушаем. Ну, вот свиное сало мы не кушаем, другие кое-какие вещи. Но я там брал то, что я хотел. И нас там было трое. Один, значит, кузнец был, конюх и я — три человека всего было. Я на троих готовил, меня заставили готовить. Ребята заставили. А почему? Там я как-то вышел, смотрю — куча лежит голов окуневых. Морской окунь. У них такие глаза большие, эти окуни, большие, морские, глаза, красные которые. И я говорю: «Давайте, я вам сделаю такое хорошее блюдо из этого, зачем бросать такой продукт хороший». А там лиса пристроилась, значит, ходить туда, кушала эти головы с удовольствием. Ну, я эти головы отварил, и холодец получился. Хороший холодец. Ну, много этих голов-то. И они говорят: «Останешься у нас поваром!» Так что, я уже стал две должности там совмещать — и повар, и ветеринар.

00:39:40

А сами кем хотели быть?

Там?

00:39:44

Да, на тот момент какие у Вас были стремления?

Ну, у меня планы какие? Ну, отслужить армию, там лес добывали мы, очень тяжелая работа, конечно, была, в казармах жили, и я думал, что я и оттуда тоже не выберусь, потому, что многие ребята там стрелялись. Сами в себя стреляли. Такая тяжелая была работа. Ну, и придешь в казарму, там тоже портянки негде сушить, и под себя клали, чтобы наутро хоть мало-мальски они сухие.

00:40:15

А какой это год был?

Я служил, значит, с 1948-го по 1952-й годы.

00:40:25

А почему родители Вас в детстве не покрестили?

А потому, что Христос сказал, что научите людей, а потом крестите. И крестите во имя Отца, Сына, Святого Духа. Ну, дитя как научишь, он же еще и не говорит. Поэтому мы детей не крестим, адвентисты, а принимают крещение так, как Христос: ему было лет около 30, он

только принял крещение. То есть, он показал примером, что только надо научить, а потом крестить. Вот ответ на ваш вопрос. Поэтому все те, кто является адвентистами, крещены уже в возрасте уже, там, уже лет в 16-17, когда человек понимает и дает отчет, что он делает. Только таких допускаем к крещению.

00:41:23

А расскажите еще, пожалуйста, про жизнь общины до ареста папы. Вы были уже взрослым мальчиком, наверняка, присутствовали.

Да, каждую субботу мы вместе ездили. Мы жили тогда еще, при аресте мы жили в Ольгино, а до этого — станция Александровская здесь есть, по Варшавской дороге, в Александровке мы жили. Мы каждое утро в субботний день ездили, около Варшавского была кирха, я уже вам говорил. И в этой кирхе собиралось собрание. Там отец служителем был, и там он и играл, и руководил хором, организовал там струнный оркестр. Там мама моя участвовала в этом оркестре — она на гитаре играла. И в общем, светлые годы моей жизни — это были эти годы. Когда был и папа, и мама. И свободно можно было еще собраться в доме молитвы. Община того времени была довольно-таки из зрелого возраста, возрастной ценз если взять, то молодежи мало было тогда. Молодежь тогда все уходила в комсомол, пионеры, потом в партию. А все — комсомол, пионеры и партия — учили, что Бога нет. И так воспитывалось поколение. Так что, люди очень дружные были, друг друга выручали, помогали, чем могли. Время было довольно-таки тяжелое, потому, что те зарплаты, которые в то время получали, на них очень трудно было существовать. Не было такого обилия продуктов, как сейчас — зайдешь в магазин, глаза разбегаются. Были бы деньги — пожалуйста, покупай. Тогда этого не было, все было внатяжку. За материалом для какого-нибудь ситцевого платья надо было стоять в очередях ночами. Переписываться, там, несколько рулонов привезут, раздадут — и опять нету. Сложно очень было. Но выживали. Старались выжить. Настрой был очень дружный, люди сплоченные были между собой. И старались делать другим добро, чем могли, конечно. Папа был такой активный человек, он старался всегда людям помочь, чем мог. Он, тем более, учился в институте, и хотелось, чтобы люди получали медицинскую помощь и материальную. Но активные действия людей пресекались тогда властью, которая проповедовала безбожие. И не давали нам развернуться. В настоящее время мы проводим целые выставки и семинары о здоровье и так далее. Наша церковь проводит в больших парках — недавно проводили в Парке Приморском в день рождения нашего города, Питера, проводили большое мероприятие. День открытых дверей делаем сейчас, и никто нам не запрещает. Это положительно все.

00:44:57

А на тот момент все это...

А на тот момент вообще ничего нельзя было делать, миссионерской работой вообще нельзя было заниматься. Если ты, допустим, кому-то там свидетельствуешь о Боге, значит, ты уже преступление делаешь. Хотя в Конституции статья такая была, что «каждый человек имеет право исповедовать любую религию, или не исповедовать никакой». Сейчас в этой же статье написано, 28 статья Конституции говорит, что «... и имеет право распространять свои убеждения письменно и устно». А тогда такой приписки не было.

00:45:38

А чем адвентисты седьмого дня отличались от других общин на тот момент?

Ну, тем же, что и сейчас. Самое главное различие у нас такого — мы верим, христиане, если взять, все христиане верят во Христа, и мы тоже верим во Христа. Все христиане верят в Троицу божества — и мы верим в Троицу Божества. Но, когда заходишь в православный собор любой — на самом видном месте, вот как вы вошли в собор, оттуда, сверху, висят две скрижали и десять цифр римских. Что это означает. Говорят, что закон божий, десять заповедей. А что там написано — никто не знает. У нас же это открыта. Библия нам четко говорит, что написано в каждой заповеди. И если хотите, я могу вам перечислить эти заповеди, всего их десять. Первая заповедь, что Бог один: «да не будет у тебя других Богов». Вторая заповедь говорит, что не делай себе никаких изображений, что на небеверху, на земле внизу, и в воде ниже земли — «не служи им и не поклоняйся им, ибо я Бог-ревнитель». Он ревнует, если мы поклоняемся какому-то изображению. Допустим, ваши бы дети поклонялись не вам, и слушались не вас бы, а какое-то изображение, или вашему даже портрету. Вы бы сказали — портрет же тебе не поможет. Так и тут. Третья заповедь: «не произноси имя господина Бога твоего напрасно». Четвертая: «помни день субботний, чтобы святить его, шесть дней работай, делай всякие дела твои, а день субботний господу Богу твоему, не делай никого дела, посвяти его Богу». Эта заповедь четвертая она говорит о двух вещах: первая — работать шесть дней, то есть, не быть тунеядцем; а второе — что святить седьмой день как день, посвященный творению нашей планеты. Когда Бог сотворил в шесть дней планету нашу, день седьмой Он почил, благословил

и освятил, так Библия говорит. И вот я недавно слушал речь нашего патриарха всея Руси, Кирилла, и он говорит: «да, суббота благословенный Богом день». Это его слова. Это нам приятно слышать. Но мы не только слышим и знаем, мы еще и исполняем. Закон есть закон. Пятая заповедь говорит: почитай отца своего и мать, дабы тебе было хорошо на этой земле. Шестая говорит: не убивай. Седьмая: не прелюбодействуй. Восьмая: не говори ложного свидетельства на ближнего своего. Потом говорит: не желай жены ближнего твоего. И эти десять заповедей, которые я перечислил, у нас считаются божьей конституцией, если образно так сказать. Бог своим перстом написал этим скрижали. И, хотя православная церковь признает закон божий, но одну заповедь она исключает, вторую, то есть, две заповеди — вторую и четвертую — она не признает. Ну мы так в этом различаемся с православием.

00:49:23

А расскажите о своих каких-то детских воспоминаниях, связанных с папой.

Да, это тоже интересно, спасибо за вопрос. Мы жили на Кировском проспекте, сейчас он Каменноостровский называется. И он на работе был, на скорой помощи ездил — медбратом работал, а учился в институте. И у меня был самокат. Вот сейчас мода пошла на самокаты тоже. И у меня был самокат. И я смотрю, папа идет — я к нему скорее, и он меня держит за руль и подруливает к самому подъезду. Это для меня верх совершенства было, что папа меня подвез, значит, к парадному. Потом помню хорошо, как папа в субботу проводил служение. Потом он после приглашал, кто желает, прийти к нам домой. И мы читали, ну, не мы, а он читал, а я слушал и что мог — воспринимал, что не мог — не воспринимал по возрасту. Ну, по крайней мере, он учил добру, так будем говорить. И был общительный такой, коммуникабельный товарищ. И потом, что он очень много занимался исследованием Библии. Когда мы жили потом уже в Александровском, он уходил в Екатерининский парк, тут есть такой большой парк. И рано утром, это летом, конечно, до работы, надо где-то в восемь уже выезжать, чтобы там к девяти успеть. И он собирал, как он маме говорил, семена для своей проповеди очередной. Некоторые проповеди у нас сохранились такие. Он мелко-мелко писал почему-то. Видно, хорошее зрение у него тогда еще было. И там такие темы хорошие затронуты. Так вот, мне о нем осталось самое лучшее впечатление. И хотелось мне все время идти по пути отца. И помню, мне предлагали, когда я заканчивал службу на Севере, то наш призыв уже демобилизовали, а меня все держали. Некем меня заменить было, не было ветеринара. И я ждал, пока там кто-то где-то что-то найдет, начальство этим вопросом занималось. И они мне предлагали: «Останься на сверхсрочную, мы тебя направим в институт, ты закончишь институт по ветеринарной службе и будешь работать по своей должности, какое-то звание тебе офицерское уже будет, и будешь работать ветеринаром в части». Я говорю: «Да у меня другая мечта». Они: «Какая?» Я говорю: «Служителем в церкви быть». Он: «Ты чего, с ума, что ли сошел?» Я говорю: «Нет, не с ума». И потом, когда я уже приехал с армии, то мне, конечно, хотелось быть там, где есть хоть какая-то церковь.

00:52:48

Это было уже в 1952-м году. Сталин как раз умер в этот год. Посмотрел, как за Сталиным народ толпился, давили друг друга тогда, помню.

00:53:01

Вы тоже попали?

Я пытался туда попасть, но вижу, что меня там задавят, думаю — нет, я еще жить хочу, я только начинаю жить. Не мог туда проникнуть. Шесть рядов машин, окружена Красная площадь была, а он там лежал, по-моему, в мавзолее лежал, туда приходили и смотрели на него. А, нет, извините, он лежал в Дворце съездов, что ли, назывался. Во Дворце съездов он лежал, не в мавзолее. И там к нему очередь была.

00:53:41

В Колонном зале он лежал

00:53:43

А, в Колонном зале, да, точно. Туда эта очередь шла, там давили. На следующий день столько крови там было, и женщины там беременные попадались, их там давили — страшное дело было. Короче, я остался невредимым, остался живой. После этого я понял, что так нельзя. Конечно, что человека так возвеличивать до небес. Человек есть человек. Но я вам скажу, откровенно говоря, что народ считал, как мы будем теперь жить. Это же наш отец,

руководитель, вождь, на него вся надежда.

00:54:32

Ну, и я, в общем, после армии уже закончил, попробовал я устроиться. Вот как получилось интересно. Когда я демобилизовался, а мама нелегально работала в военкомате сторожем, потому, что какой-то человек соблезновал ей, что ее везде гоняют с этим параграфом 9 и не дают ей работать и жить. И значит, что я хотел сказать... да, я приехала к ней. Она в Твери. Ночью приехал к ней, так поезд приходил. Позвонил ей, знал, где, приблизительно, она находится. Она удивилась; я не писал, что я приеду, для нее это был, конечно, сюрприз. И говорит она мне: «Что ты думаешь дальше делать? Куда ты поедешь или как?» Я говорю: «Я хочу поехать туда, где есть церковь». В Твери тогда не было церкви, сейчас там три церкви наши, а тогда не было ни одной. Я говорю: «Я поеду в Москву». Вот, я пошел в военкомат, снялся с учета сразу же. Они: «Куда ты?» Я говорю: «В Москву» — «Кто тебя там ждет? Если ты будешь возвращаться, мы тебя не примем», — так немножко пристегнули. Ну, я пошел все-таки на этот риск. И ходил десять дней, изо дня в день, кроме субботы, искал работу. Значит, допустим, работа есть — жилья нет, прописки нет. Работа есть — субботы нет. Или суббота есть — жилья нет. Ну, мне же там негде жить, поэтому я ходил и искал. Потом решил так сделать, я — объявлю пост. А пост у нас какой: не пьем, ни едим, где-то сутки постимся, от силы двое. Сорок дней, конечно, люди кушают, как в православной церкви, причем, досыта, только продукты животного происхождения не кушают. А у нас пост такой: не пьем, не едим — так в Библии написано. И значит, я не пил, не ел. А ходил целый день, ходил-искал. Ничего не нашел опять. Потом после поста я помолился и так просил Бога, чтобы он мне конкретно дал понять, оставаться мне в этом городе или нет. Встал я с коленей, помолился, думаю, дай-ка я Библию почитаю, для утешения. Открываю, и там открылась мне 18-я глава, Деяния апостолов. И там написано: «оставайся в этом городе, людей моих здесь много, и никто тебе не сделает зла». Вы знаете, мне жутко стало. Вдруг мне такое Бог ответил. Я на следующий день пошел и проходил приблизительно, где построен сейчас Храм Христа Спасителя, гараж там был. Я там работал шофером. Я закончил курсы на водителя-профессионала. Не находил я так работу. И прохожу по Кропоткинской, по набережной, там написано на красном фоне: «Отдел кадров училища». Думаю, ну, в училище мне делать уже нечего, надо мне искать работу, а не учиться уже. А потом уже прошел метров 15-20, думаю, дай вернусь, ну мало ли, у людей может всякое быть, может, я слесарем устроюсь каким-нибудь или мало ли кем. Зашел. И пошел в отдел кадров. Постучался, открываю дверь, смотрю: сидит за столом, такой большой длинный стол, красным, вижу, что он еврей по национальности, так, по внешнему виду. Думаю, с чего начинать, и говорю: «Я ваш брат и пришел к вам по своей нужде». Он говорит: «Не похоже, что ты наш брат». Я говорю: «Сейчас я вам докажу, если хотите» — «Садись, докажи». Я сел и стал ему рассказывать историю Израиля. Хорошо знаем историю Израиля. И когда он послушал, а это рабочее время, ему то и дело стучатся — «можно? Можно?» Я говорю: «Я только что пришел с армии, мне нужно найти работу, и там дальше. Я холостяк, еще мне нужно искать». Он так подумал, говорит: «Субботы я тебе добиваться не буду, это первое. Второе — я тебя устрою. Хочешь, поступай в училище, закончишь на профессионала-водителя. И после этого с субботой будешь утрясать вопрос с местным начальством». Дал мне справочку обходную. Я с ней обошел всех врачей, медкомиссию, то, другое, и устроил меня в это училище свое. Вот так мне этот еврей очень помог, конечно. Я закончил, шесть месяцев я проучился. Вот и попало, как раз, на экзамены в государственную комиссию приехал по приемке нас, вот в субботу. Вот надо же, так совпало. Ну, я, конечно, не пришел, и меня, значит, в понедельник встречают: «Арефьев, ты, в конце концов, справишься или нет! Ты же как поступил! Что, комиссия ради тебя приезжать будет? Никто ж не приедет». Да. В общем, они меня ... дали такой штрафной: написать 42 билета, тогда писали так, рукой. Сейчас на машинке пишут, а от руки — и там указали фамилию, имя, отчество и там это, класс и все. И себе, говорит, выпиши тоже... вот. И я выписал и себе тоже права все, они заверены потом были уже, эти права. И я после этого работал. Ну а там еще, в этом гараже, где я работал, там еще были два адвентиста. Два шофера тоже. Ну и начальство уже знало, я не первый когда был, что такое адвентизм, и приняли меня, и я работал, хорошо все получалось, дали мне машину.

01:02:02

А в детстве с кем Вы были ближе, с папой или с мамой?

А, ближе? Ну, к папе... папу я любил, конечно, но так его не видел. Он все время то на работе, то поехал где-то по делам церкви, так что сложно сказать. Больше всего я, конечно, около мамы был.

01:02:24

А из какой семьи мама была?

А мама была — сейчас скажу. Значит, она уроженка Вологодской области. И значит, у нее отец был, ну, это же было, еще до революции дело было. Отец был, значит, станционным смотрителем, так называемым, который менял лошадей на дороге на Печору. Это Вологодская область, там она на этом месте как раз стоит... и там, значит, вот, допустим, к ним приезжали люди, которые на лошадях ехали на север, да, и он им давал им других лошадей. Этих оставлял, кто-то их кормил, чтобы они там вовремя, расстояния большие, а транспорта не было никакого. Да, и вот она там помогала отцу своему с лошадьми. Она такая была сильная, женщина выносливая, ну и высокого такого роста, солидная такая женщина была. Да, и она, значит, там воспитывалась в очень суровых таких условиях, ее отец был очень серьезный человек.

01:03:44

Олег Николаевич, а папа ожидал, что его могут арестовать?

Да, они ждали, потому, что в то время многие пострадали же, в 1938-м году. Там тысячами забирали и тысячами убивали. Они, конечно, это знали, но они считали так, что капитану с судна уходить никогда нельзя. Только последним. Так и тут. Когда их забрали и расстреляли, то община разошлась, закрыли, во-первых, церковь, и по группам разошлась, по домам собирались здесь, в Питере. Потом война началась, многие уехали отсюда, а нас вот выслали. Мы в блокаде здесь не были.

01:04:44

А кого-то до папы еще арестовывали из адвентистов?

Да, конечно. Конечно, да. Здесь было три общины, три общины. Сейчас образовалось восемь, а тогда было три. И вот, руководителей этих общин тоже арестовали в одну ночь, и в один день их расстреляли.

01:05:10

В одну ночь с папой?

Да. Вот пример приведу такой. Значит, ну, мама после этой ночи, вот когда я рассказывал, что обыск был, забрали отца, она пошла к жене того человека, который тоже был служителем в церкви. И говорит: «Вот ты знаешь, у меня такое горе!» — «А какое у тебя горе?» — «Мужа забрали» — «И у меня забрали». Вот так вот. Вместе поплакали, вместе помолились. Поехали на собрание. Ну и вскоре их собрание закрыли. Предложили кому-то там избрать, чтобы хотя бы пресвитер был, уже не проповедник, а пресвитер. Но никто не захотел — все испугались, что раз убивают людей, куда же я пойду, значит и меня убьют. Ну, никому не хочется этого. А эти вот наши служители, которые официально были служителями здесь, они зарегистрированы были, все это легально было. Такой момент пришел, когда, значит, убивали людей ни за что. Не знаю, конечно, мотивы вот этого убийства. Я до сих пор не могу понять, почему это делалось, но думаю так, конечно, что это делалось для того, чтобы лишить нашу нацию мыслящих людей. Чтобы она не развивалась, чтоб они такие были лаптями такими и так дальше. Я думаю. Может, я ошибаюсь, конечно. Я другой причины не нахожу. Преступлений не делали. Вот у меня там, помню, мальчик один был, мы с ним во дворе вот тут, на Кировском, катаемся, значит, там дружили с одним мальчишкой — у него отца тоже забрали. Он инженером работал, он даже не верующим был. Инженер, он высокое положение там занимал, такой был прогрессивный. Он постоянно какие-то обновления делал там на заводе, где он работал. Его тоже расстреляли. Так что, не только верующих стреляли. Просто мыслящих людей стреляли. Вот сейчас на Левашова вы если были, вы видели, кто там. Кто композитор, кто писатель, кто врач, кто инженер.

01:07:36

Кто энергетик...

Вот-вот, кто энергетик. Там целый список большой.

01:07:43

А в детстве когда, среди Ваших знакомых, в школе, может быть, были дети, у кого родителей тоже...

Да, много было. Много было.

01:07:53

И Вы об этом знали или уже потом, спустя время...

Нет, я еще тогда в школе не учился. почему, я вам скажу. Я в первом классе вообще не учился, вообще. Пошел сразу во второй, уже пошел в ссылке. А в Питере в школе я не учился, потому, что отец мне дал программу первого класса, и я уже был на уровне второго класса, хотя мне поступать надо было во второй класс уже теперь. И вот, когда нас выслали, пошли мы в школу, и мама говорит: «Он программу первого класса уже изучил, знает, поэтому я бы хотела, чтобы его приняли во второй класс». Но такого там не было случая еще, и для них было странно это так. Ну и они решили так: «Давайте мы его примем на месяц, если он потянет программу второго класса, следовательно, мы его отставляем, если нет — переводим в первый». Ну вот так и получилось, что я потянул, и все. Остался во втором

01:09:00

А как изменилась мама после того, как папу арестовали? Как она это все воспринимала?

Очень, конечно, горевала. Ей там предлагали люди на протяжении этих лет, когда в неизвестности мы были, до 1956-го года, она умерла в 1969-м году, все предлагали руку и сердце, как говорится. Все хорошие, положительные такие люди. Ну, она не соглашалась. Она ждала его все живым. Что «он придет, он придет, Коленька мой придет». А Коленька — в Левашово.

01:09:46

А возможно было как-то избежать этого ареста?

Можно. Можно было. Ну, вот я знаю, например, как на Украине, рассказывали, кто на Украине работали — рассказывали так, что когда это пошло, ну, Украине была с Россией вместе, вот пошло вот это безобразие, то некоторые уезжали в Прибалтику. Как другая страна, хотя она и наша страна была тогда, но все равно другая. И там они устраивались на работу где-то там, какими-то там рабочими, и там пережили вот эти два года, эти страшные 1937-1938-й, и остались живы. Ну, так что можно было. Но вот наши здесь не хотели этого сознательно. Они считали, что это как уйти командиру с поля боя, что ли.

01:10:51

А мама с папой дома обсуждали какие-то аресты, то, что папа боится или не боится?

Нет, папа не боялся. Он так в руки Бога доверил это дело, вот, и сказали так, что будем молиться, что Бог допустит, то и надо принимать. Вот, и до конца они богослужение совершали. И до конца они были служителями. Не удирали, не скрывались, ничего. Некоторые, конечно, считают, что это неправильно. Вот уже потом разные там были толки: можно было уехать, где-то скрыться и так дальше, но наши считали, что мы это не можем сделать.

01:11:40

А Вы как считаете?

Я тоже так считаю. Меня же гнали не меньше, чем отца. Это целая история. Вот такая история. Так что они знали, но они не согласились.

01:12:02

А как изменились отношения с соседями, с друзьями после того, как папу арестовали?

С соседями... Ну, как сказать. Вот его арестовали в Ольгино, здесь, ну, и хозяин знал, что арестовывают сейчас людей хороших таких, вот, и поэтому для него это не было такой диковиной какой-то. Он просто соболезновал нам и все. Он даже, знаете, как еще сделал. Как бы показал, что не только словами соболезнует, а и делом, сердцем. Он следующий год, ну, допустим, в 1938-м нас выслали, в 1939-м, летом, он пишет маме письмо, и пишет: «Пришли Альку ко мне». Про меня пишет: «Пришли Альку ко мне, пусть он летом у меня побудет». Тот домик, где вот арест произошел. Да, и я приезжал сюда. Она там меня посадит — он меня здесь встретит. Я на поезде. И я тут лето целое обитал. Мы с дедом тут занимались. Он сам электрик был, я помогал в работе. Там чего-то таскал лестницу, вот там что-то помогал. Там он такой был, интересный мужчина. Мы с ним жили: ему веселее было со мной, с мальчишкой, да, а мне тоже — мужчина, все-таки. Было тоже как-то хорошо. И 1939-й, и 1940-й тоже самое он меня приглашал. А уже 1941-й — там же уже война. Не приглашал. Поэтому, такая история. Так что, внешне как бы с сочувствием относились к этой... ну, потому, что если бы одного его

только арестовали — ну, еще ладно, наверное виноват. Потому, что никто никого не арестовывает, а его арестовали. А когда сотнями шло это дело, в городе только одном, то, конечно, считали, что это ошибки партии, как они назывались. Теперь называется «ошибки партии».

11:41:29

А сколько тогда адвентистов было арестовано?

Ну, здесь арестовано было шесть человек, в одну ночь. Всех таких, которые там были более-менее, я бы сказал, такими деловыми людьми, в церкви было. Активными участниками служения. Вот их и забрали всех. Одну даже женщину забрали. Мы там поставили 12 камней, вот вы видели, наверное, около памятника, да? Но там их гораздо больше, конечно. Мы так считаем, что мы шесть знаем, а еще шесть придется найти. Но пока мы нашли только двоих еще. Потому, что там вот рядом пришли и захоронили около нас. Директор нас хорошо знает, левашовский директор, он говорит, что ходили тут какие-то люди, которые говорят: «Дайте нам место около адвентистского памятника». Значит, они своему деду тоже поставили маленький такой памятник. Может быть, вы видели там, рядышком. Ну дед был адвентистом, мы его знаем тоже. Он то же самое пострадал, как и мы. Так что, много так пострадало, и потом, не только верующих, а и разных людей, это я уже говорил, видных и активных, приносящих пользу для общества.

01:15:46

Папа, когда уходил, он понимал, что это надолго?

Нет, папа понимал, что он уже не придет. Он это понимал. Он попрощался совершенно с мамой. Последние его слова, я помню, сказал так: «Спасибо тебе, Юленька, за прожитую жизнь». И пошел.

01:16:18

А с Вами он успел попрощаться?

Что?

01:16:21

Вам он какие-то слова сказал?

А мне сказал: «Учись на скрипке. И скрипку никому не продавай».

01:16:33

А как потом Вы узнали, в какой тюрьме папа находится?

Ну, тогда все ходили вот сюда, в Кресты, потому, что сюда всех этих арестованных, всех — не то, что только его, а всех — на предварительное следствие, что ли, называлось. И здесь, со стороны набережной, там есть проходная, можно было туда зайти, и сейчас тоже там она, и передать покушать что-то. Вот, и я говорю, три недели принимали, а потом перестали, сказали, что его переслали, а его расстреляли.

01:17:10

А как велось следствие? Что про это известно?

А, следствие. Следствие велось так. Была так называемая «тройка». Тройка. Ну, без суда и следствия это делалось — тройка. И вот на эту тройку все время ссылались, что по постановлению НКВД, тройки, такой-то человек приговорен к высшей мере наказания. Вот как вы читаете в этих книжках, то написано: «Приговорен к Высшей мере наказания, значит...». «Приговорен...». Кто его приговаривал? Но как это было, ну, так из некоторых источников нам это теперь известно, все эти документы шли к Сталину. И Сталин если поставит «номер один» — значит, убить. А Сталин, он не знал моего отца, откуда он знал? Совершенно не знал. Но все равно, как ему заблагорассудилось — так он и делал. Поставил единицу — значит, убить надо. Все. И стреляли. По 200 человек за ночь убивали, в этом вот доме. Мы его называем «белый дом».

01:18:19

Как Ваши родители к Сталину относились?

А, к Сталину? Ну, тоже положительно, всегда говорили о нем только доброе, хорошее. Тогда за Сталина, если анекдот расскажешь — двадцать лет получишь. Но они не ради этого, что наказание какое-то. В душе у них не было к нему ненависти какой-то. Не было, никакой. Все, я говорю, я говорил вам, я считал, что помер наш батька, наш вождь, наш учитель — как нас воспитывали, так мы и воспринимали.

01:18:56

А потом как-то мнение поменялось у Вас или нет?

Ну, не сразу поменялось. Это не сразу. Потому, что это прошло время, когда уже разоблачили это все, стали уже показывать правду, как это было. Тогда, конечно, своим ушам и глазам не верил, что так было на самом деле.

01:19:18

Кто виноват в случившемся?

Кто виноват? Сатана, наверное. Он виноват. Он настропалает, чтобы только погубить, а Бог — он только спасти. Вот эта борьба, она вечная борьба. Она до самого пришествия Христа будет. Люди — сотворение божие, и Бог свои творения хочет спасти, а Сатана — погубить. Это Библия говорит, это не то, что мои выдумки. И это называется «великая борьба». Она была от грехопадения Адама и по сей день она идет. Человек только приближается к Богу, хочет служить Богу доброй совестью, а он ставит какие-то преграды. Обязательно.

01:20:07

А Сталин и Сатана — это где-то рядом?

Ну я думаю, что Сталин, как бы сказать, может это слишком громко будет сказано, но думаю, что он выполнял роль помощника его. Да. Потому, что убивать — это только Сатана убивает. Старается как можно быстрее загнать человека в могилу. То пьянкой, то еще чем-то, то дракой, то война. Все идет от Сатаны, где убивают людей. Бог никого не хочет убивать, Он хочет спасти, а он хочет только убивать. Вот и вся причина.

01:20:53

А какую статью и в чем обвиняли папу?

Папу обвиняли по 58-й статье. Ну это тогда всех под одну статью. 58-я статья, 2-я часть — это контрреволюционер. Он вообще в политику не лез никогда. Сейчас мы разговариваем, там, политика, Трамп, за Трампа, Анжелу эту или как там ее зовут, Меркель, знаем там французского — всех знаем, видных государств знаем. А тогда как-то этой политикой никто не занимался, все это было за занавесом, занавес был, железный занавес, и мы не знали информации. Глушили информацию всю. Тогда были радиоприемники на лампах, ловить пытались, но все глушили, мы ничего не знали, мы отрезаны были от мира вообще. Поэтому, политикой не занимались. И то, что им пришили контрреволюцию — это совершенно ложное обвинение, которое потом, была же, эта же самая власть, признала, и реабилитировала. Что значит реабилитация? Это восстановление имени. И вот восстановили им всем имена. Теперь вот я, например, как пострадавший, я получаю ежемесячно надбавку к пенсии в честь извинения за такие вот проделки власти.

01:22:26

А для Вас важно было получить справку о реабилитации?

Ну я не столько там за пособие вот это хлопотал, сколько за то, что меня всегда врагом народа считали. В моей жизни уже. Что я враг народа, мне не давали учиться. Я трижды поступал в институт. Мне очень хотелось говорить на английском. А почему? Ну вот наш пророк, которого адвентисты признают, Елена Уайт, она сама американка. Ну и вот ей как бы Бог открывал разные моменты из жизни народа божьего, древнего времени, настоящего, у нее целый ряд книг есть. И у нас появилась книга «Опыты видения», ее книга, этой Елены Уайт, но там такой плохой перевод был, что читаешь — и как-то логики нет. И я думал — как бы оригинал достать, чтобы я прочитал в оригинале, чтобы я знал правильно. И вот я как-то был на всемирном съезде адвентистов, уже вот будучи взрослым, будучи служителем церкви, это было в Утрехте, в Дании [Нидерланды], и я искал вот эти книги. И я нашел. Нашел полные полки книг. Все в типографическом таком хорошем переплете, все такие красивые, ну и я говорю: «Эта книга сколько стоит?» — «25 долларов». Я говорю: «А дешевле? Я вот с Питера, служитель церкви, у меня столько денег нету, можно как-то уступить?» А он говорит: «Ну я не хозяин, я только продавец, иди к директору, к хозяину». Ну, я пошел к хозяину, говорю, так и так, он говорит:

«Хорошо, я тебе три доллара уступлю». За 22 доллара купил эту книгу, которая называется «Опыты видения». И вот там я нашел то, что было написано автором этой книги, и потихонечку переведил. Так что, я к чему говорю — пытался три раза, три раза я пытался устроиться на учебу в Институт, в Москве, и трижды мне отдавали документы. Я проходил, как это называется, много студентов, много желающих на одно место... конкурс, я проходил этот конкурс, выигрывал этот конкурс, и мне в конце августа в последних числах, выдавали документы обратно. И так три раза. Я говорю: «Ну почему?» Секретарь, как правило уже по заученной фразе, говорила: «Мне передали их отдать Вам. Что Вас интересует, обращайтесь дальше». Все. Ну это видимо чьи-то силы не хотели, чтобы я выучился.

01:25:31

А дальше Вы обращались, нет? Пытались понять?

Ну дальше обращаться, видите... когда уже начинается учебный год, каждый раз в последних числах августа, все уже заполнено, все свободные места заняты, вряд ли ты пойдешь устраиваться. Я понимал, что это пятно лежало. Вы спросили, почему добивался реабилитации. Потому, что хотел восстановить имя доброе, вот и все. Вот им же восстановили, теперь же они не считаются врагами народа.

01:26:09

Но Вы же все равно в душе знали, что имя-то доброе, и ничем не опороченное.

Ну я-то знал, но это ничего не давало, то что я знал — это одно, а то, что власть считала меня врагом народа — это другое.

01:26:25

А когда Вы узнали о приговоре папы?

О приговоре папы... сейчас скажу. Это где-то было в 1958-м году. Я пошел сюда, в большой дом, говорю: «Так и так вот, такой-то такой-то Арефьев, у вас должно где-то быть в архивах его дела, он мой отец, я хотел бы видеть, хоть знать, где его косточки находятся, если уж так произошло». Ну вот, он говорит: «Минут двадцать подождите в зале, я поищу». Там какой-то офицер работал. Пошел, поискал, потом пригласил меня и показывает: папка вот такая толщиной, скоросшиватель, и в ней много-много разных обвинений в его адрес. И вот я смотрю, какие же там обвинения. Он занимался миссионерской работой — да, он занимался. Он говорил людям, как я вам сегодня говорил, о Христе, о законе Божиим — называется «миссионерская работа». Ну, в чем, я в политику не лезу, я не говорил, что там надо власть снимать, мы преданы были Сталину, как будто от этого зависела наша судьба. Ну и вот, потом обвинили его по 58-й статье как контрреволюционер, и там написано, что он показания давал якобы, а показания он на себя наговорил там, он ничего этого не делал, видно его заставили написать. И тогда уже его расстреляли.

01:28:12

Что он наговорил?

Что он наговорил? Ну, вот, например, чепуху там наговорил, тут приведу другой пример. Вот мой дядя, это брат моего отца, он тут закончил, я уже говорил, институт наш, Технологичку, и его тоже преследовали ...1937-й -1938-й год. Да. И вот он на себя написал, и у нас даже есть этот документ, что он там написал, что где-то поджог сделал, какого-то завода кирпичного, когда он всю жизнь на заводе вообще не работал, он мосты строил через Неву, мосты, вот Володарский мост он строил. Он инженер был. Он опускался туда, в шахты, где там это было... поэтому, все они по одной статье шли, по 58-й 2-я часть.

01:29:12

А мама тогда письма Сталину не писала?

Сталину бесполезно было писать, потому, что он недоступен был для простого человека, мы писали разным там его, пониже там которые. Писала, да, конечно, писала. И много раз писали мы. Но бесполезно. Там стандартно нам отвечали, где-то эти открытки у нас сохранились, что: «Ваша жалоба направлена по назначению». И все. Ну они-то, наверное, знали, что они уже убитые, так что закрывали это все, закрывали аж до того времени, когда Хрущев признал, на каком-то съезде КПСС, что это были ошибки партии. После этого стали потихонечку раскрывать эти архивы, потихоньку.

01:30:01

А мама боялась, что ее тоже могут арестовать?

Да, конечно, она эти околыши красные, на нее это как бы очень сильно влияло, как увидит красный околыш — он к ней, как говорится, никакого отношения не имеет, а она уже боится его. Это такой синдром страха привился ей сильно. Она пострадала от этого очень много. Она даже, я думал, она будет жить и жить, она такая крепкая, в сельской местности родилась, крепкая такая женщина была, а она заболела этим, это такая нервная болезнь была, подергивания руки... болезнью Паркинсона заболела. И вот я пришел с ней к врачу, и она попросила ее выйти, а меня спрашивает: «Вы кто ей?» Я говорю: «Сын». Ну вот, говорит: «Я Вам должна прямо сказать — мы ее не вылечим. Не знаем, как лечить. Будем только облегчать ее страдания — и больше ничего». Ну вот с таким напутственным словом и вышли оттуда. Ну и она три года поболела Паркинсоном, ну и... в полном сознании она была до самого последнего. Потом собрала нас всех, покаялась, ну в чем она покаялась — она ревновала к жене меня.

01:31:31

Ну обычная история.

Да вот так. Я же у нее был один всего. Ну и вот так. Ну и примирились мы, конечно, и поцеловались. И потом я был до последнего с ней рядышком. Супруга пошла на работу, а я был около нее, и в этот день мы вызывали врача, врач сказала: «Вы утречком ко мне подойдите, я вам дам бюллетень на три дня, чтобы вы... ну она скоро скончается, чтобы вы могли за ней поухаживать». Ну а это же вечером, после ухода врача. Она попросила меня покушать: «Что-нибудь из рыбки если есть, давай мне рыбки». Ну я там дал ей рыбки, и смотрю — она не может проглотить. Я говорю: «Ну ты выплюнь, не надо это». Она так не захотела выплевывать, и так пару раз вздохнула — и все. Скончалась. Прямо на моих руках. Я помню, вышел, уже дети были у нас, школьники. «Остался, — говорю, — я один-одинешенек». Они говорят: «Папа, да что ты говоришь! А мы?» Вот такая была история.

01:32:55

Ну конечно, у Вас такая большая семья. А скажите, маму вызывали НКВДшники, когда...

Да, вызывали. Очень часто вызывали, и вот за что она в Сибирь попала — за то, что она отказалась сотрудничать. Вот эта причина была. А получилось так: она приходит с очередной встречи с ними, и плачет. Я говорю: «Чего ты, мама, плачешь?» Она еще хуже. Я говорю: «Мы были всегда откровенны. Почему ты плачешь?» Ну и она открывает: «Мне сказали, чтобы я, значит, была [сотрудничала]». Я говорю: «Ну что мамочка, мне тебя жалко, конечно, но ты мне не мать» — «А что мне делать?» Я говорю: «Пойди, возьми эту справку, расписку, обратно. Больше ничего». Она пошла, и ей дали... паспорт забрали, дали такую бумажку: она имеет право быть три дня всего. Вот. Здесь. Это был Рыбинск уже, ссылка, из Рыбинска ее послали в ссылку.

01:34:21

Сколько Вам тогда лет было?

Мне... я уже защищал диплом, когда ее забрали. Но это был 1946-й год, сколько мне тогда было...

01:34:36

И мама Вас послушалась, да?

Да.

01:34:42

Можете еще рассказать как это все происходило? Поподробней. Мама вернулась от... вернулась с допроса, получается, да?

Ну это нельзя сказать что допрос... просто агитировали, чтобы работали вместе с ними, что надо было выдать кого-то, продать, что там дальше. Я понимаю так: допустим, там было связано с наркотой, ну мало, бывает, с каким-то еще криминалом — ну, это другой вопрос. А когда верующий верующего будет продавать — Иуда самый настоящий. Иуда продал Христа? Продал. Ну вы и знаете его. Я не хотел, чтобы такая судьба была у мамы моей. Поэтому, я так и сказал конкретно. Ну такая история.

01:35:49

А переписки никакой не велось у мамы с папой? Ничего, да?

Ну сказали, что без права переписки. Ну как переписываться с мертвым?

01:35:58

Нет, я имею в виду, когда он еще находился в Петербурге, в Крестах.

А нет, не разрешалось. Письма писать не разрешалось, только передачи передавать, какие-то продукты — это разрешалось. А какие-то письма не брали.

01:36:15

А что мама, какие передачи ему носила?

Ну что-то покушать, знаем что всегда в тюрьме кормят... еще под следствием когда, так сказать, то ли кормят, то ли нет. Бывает, что не кормят вообще, чтобы человек признался, какие там преступления, и так дальше. А как с ней поступали — то тайна, покрытая мраком до сего дня.

01:36:40

А люди из общины как себя в этот момент вели, когда папу и других арестовали? Они не хотели встать на их защиту, написать какие-то письма? Или все очень испуганы были?

Вы знаете, этот момент, чтобы, как вот сейчас, нам еще дали хлебнуть свободы, сейчас, мы можем выступить против, даже, Путина, сказать что-то в защиту свою, и так дальше, и все это будет законно, как нас Владимир Владимирович приучил — давайте из рамок закона не выходить. Вот, это правильно, я поддерживаю его позицию. И вот, если бы это тогда было так, может быть, вступались бы люди, и как-то вышли на какой-то митинг. Тогда ни митингов, ничего не было. Запрещено, если что — то всех арестовывали, и люди больше не возвращались домой. Поэтому, никто не выступал публично, не заявлял публично, потому, что все это делалось под страхом смерти. Люди сочувствовали нам, они очень были нам признательны, они, помню, провожали когда маму, так старались, ну каждый там, что мог там принести что-то там, хоть какую-то толику, лепту, чтобы было, на что жить, ну вот самым добрым отношением пользовались мы тогда со стороны людей.

01:38:16

А можете вспомнить содержание письма, которое Вы писали высокопоставленным лицам?

Могу, конечно. Ну, я писал так, что вот, например: «Я молодой специалист, сейчас я живу без отца и, конечно, мне желательно было быть вместе с ним чтобы как бы одна семья была, то скажите, хоть где он есть». Вот такого приблизительно содержания, так, если коротко. Я уже говорил, что приходили однозначные такие расписки, что: «Ваша жалоба направлена по назначению». А по назначению — это уже никуда. Вот и все. А вот Крупской я написал, это был еще 1939-й год, она еще жива была, она в 1939-м умерла, так там мне ответ пришел. Меня лично вызывали в КГБ и там сказали, что «Ваш отец Выслан в Дальневосточные лагеря без права переписки». Ну, я задал вопрос, я уже повторяюсь, я говорю: «Когда же он напишет?» А мне говорят: «Ну, когда ему разрешат, тогда и напишет». Вот и все.

01:39:28

Вы верили тогда, и...

Ну верил, и мама верила, что Коля придет, и я, конечно, верил, хотя трудно было верить, потому, что все, буквально все, кого забрали — считай, его уже нету. Вот моего товарища забрали — бесследно исчез. И так дальше. Это все такая пропаганда была — подавить всякое противоречие, закрыть рот всем, и чтобы люди жили как роботы, не имея своей воли, своего выбора, и так дальше. Тяжесть заключалась, в основном, в чем? Что сама власть, давая свободу в Конституции, не давала свободу. Вот в этом заключалась вот и вся загвоздка. Если бы, допустим, Конституция разрешает, то оно бы и практически в жизни бы выполнялось, тогда, конечно, было легче, потому, что мы бы как-то пойти куда-то, прийти куда-то там, кому-то заявить. А тут все выходы закрыты были. Некуда обращаться. Ну, писали мы вышестоящим там, а к нижестоящим придешь — вообще ничего. А он говорит: «А я откуда знаю? Я не знаю, я сам думаю, послезавтра меня арестуют». И такие я слышал от них высказывания.

01:40:58

Многие репрессированные нам еще рассказывали, что часто дети были очень

жестокими и дразнили «сын врага народа», «дочь врага народа» говорили

Да.

01:41:09

Как вот вели Ваши ровесники с Вами?

Ну, ровесники так были. Я был очень активным таким учеником всегда. Какие-то мне поручения давали, всегда был старшим. Хотя я не был пионером или комсомольцем. Но всегда был как-то у руля в классе. И меня уважали. Я старался делать доброе людям всегда, и поэтому какого-то такого пренебрежения открытого, что «ты враг народа», со стороны своих ровесников я не слышал. А когда придешь в какую-то там администрацию, куда-то устроишься на работу там, или еще что — они, значит, наводят справки. И сразу говорят по этим справкам, что ты, значит, враг народа. Ты враг народа, все. И тебе хода нигде не будет. Ни в учебе, ни в работе, нигде. И поэтому хотели всегда быть реабилитированными, чтобы вернуть стоимость нашего имени. Что мы не запчканы в каких-то там делах, какие-то там приключениях, каких-то там преступлении. Вот, в чем причина была.

01:42:24

А никогда не скрывали факта репрессий?

Нет, никогда. Я считаю, что это, если бы, допустим, я сам в каком-то криминале участвовал, обычно скрывают, чтобы не раскрылось, не было дело заведено уголовное и т.д. А если мы это не делали? И никакого нам обвинения открытого не прислали. Вот, например, когда судят, вот сейчас, допустим, судят, и родственникам дают знать. Придите, возьмите, если хотите, решение суда по поводу того товарища, которого забрали и посадили. И там, в этой, справке написано: «Осужден по статье такой-то такой-то, за то-то то-то». И излагают статью, которая предусматривает за это преступление сколько-то лет. То есть, объясняют людям, почему это произошло. А нам ничего не объясняли. Ни статьи, ничего. Это вот потом написали вот такое...Разумов...Разумов разумное пишет. Вот, говорит, написали, уже из документов стали поднимать. А в документах ясно говорится, что обвинен был в контрреволюции, революция была кто знает, когда. А он в 1938-м контрреволюционером вдруг стал. Я понимаю, к революции контрреволюции приписывать. А когда прошло уже столько лет, уже установилась власть, все ее из-за революции стали забывать. А тут вдруг контрреволюция. Вообще никакой логики нет в этом. Ну вот. Поэтому мы не скрывали этого никогда.

01:44:03

А некоторые, чтобы поступить в университет, говорили, что папа пропал без вести или что-то еще

А, обманывали, да?

01:44:10

Да, или еще что-то такое придумывали.

Нет. У нас такого не было. Я вот, например, в техникуме меня вообще не спрашивали, где мой папа и что с ним. Вот так вот я устроился и учился, и закончил. А потом в институт, без всякого укора, упрека, так сказать, они просто выдавали обратно документы. Ну, понятно было, что меня считали врагом народа, хотя не говорили так в глаза. Потому, что так сказать...а на основании чего так меня обозвали? Ну, человеку нечего было сказать. Потому, что не было еще этого признания партией своих ошибок. И поэтому такого не было документа, на который могли бы обосновываться эти люди. И давать такие показания, что я враг народа.

01:44:58

Получается, что на протяжении всей жизни этот груз над Вами висел все равно в какой-то степени, да?

Ну, как ни было, если я хочу учиться, а мне не дают, что я буду, радоваться этому? Конечно, не буду. И любой на моем месте бы так.

01:45:13

Вы не чувствовали какого-то сильного чувства несправедливости?

Ну, конечно, чувствовал. А как же. Ну, простой пример приведу. Вот, например, заканчивают мои ребята, вот эти те, что вы видите на фотографии, заканчивают, значит школу. Ну, когда

десять классов закончили. И пишется там в документе, итоговом, как бы, документе, что она, значит, за девочку написали, она, значит, присоединяется к религии родителей, которые не православные, и вписано в документе, который выдает школа, такие слова. Как бы ее запятнали врагом народа, что ли. Я пошел к директору и говорю: «Вы знаете закон?» — «А что Вы хотите сказать»? Я говорю: «В любом итоговом документе какому-либо ученику не имеете права записывать в документ отношение к религии. Вы не имеете этого права. Вы нарушаете конституцию. Хотите я на Вас в суд подам?» А он: «В честь чего?» — «Ну, как нарушителя конституции». Он говорит: «Да нет, конечно». Я тогда говорю: «Давайте поговорим, как человек с человеком. Вот, были бы Вы родителем этой девочки. И вот Вам бы выдали такой документ. Что бы Вы делали? Ну, конечно, бы добивался...» «Это, — говорит, — не я писал, это писал педсовет». Свалил на кого-то. Я говорю: «Давайте так договоримся, если Вы дадите мне документ, в котором бы отсутствовало такое выражение, что она относится к религии положительно, я согласен на такой документ и никаких претензий я не буду предъявлять. Если этого не произойдет, я обязан буду восстановить справедливость и ее имя восстановить. Поэтому подам в суд на Вас, лично на Вас. Потому, что Вы директор» — «Ну хорошо, только Вы мне принесите Конституцию и прочитайте, где это написано, выражение, что является нарушением Конституции». Я говорю: «Хорошо». На следующий день я принес такую стопочку и Конституции, и там еще чего-то. Ну они, конечно, сразу мне не показали, что они уже сделали этот документ. Просто они хотели узнать, точно ли я требую от него справедливости. И когда я им прочитал, что нельзя документы, касающиеся учебы... я говорю: «Вы понимаете, что Вы перекрываете дорогу дальше, что она уже не может никуда поступить и никуда не пойдет учиться. Почему? Потому что Вы так написали». И он собрал педсовет. На педсовете я говорил, сказал, что так и так, и мне выдали уже справку без упоминания об отношении к религии. Эта девочка выучилась, и мальчик тоже. Были такие случаи. Но то, что вы сказали, скрывали-не скрывали — ну мы научены так, что Библия учит говорить истину друг другу. Врать человеку...ну, завтра это будет раскрыто скорее всего. Какой же ты верующий, если ты врешь? Правда-то вот такая. А ты говоришь вот, что. Ну по природе мы не можем так делать.

01:48:43

Но, в то же время, тех людей тоже нельзя обвинять в том, что они ввали. Они же тоже пытались как-то выживать и строить свою жизнь.

Нет, я их не обвиняю, что они, там, просто хотели пробить себе дорогу. Ну, может быть, и правильно они поступали. Но мне совесть не позволяет так делать. Я не скрывал. Если меня спрашивали, в том же техникуме, где я учился: «Почему ты не вступаешь в комсомол?» Так я говорю: «Вы же считаете меня врагом народа. Какой же я комсомолец. „Бога нет“. А он есть». Ну, как я могу это подписать в комсомоле и пропагандировать безбожье? Так как я верующий человек. Ну, я не могу против совести просто идти. Ну, вот. И в армии точно так же.

01:49:35

Вас не принуждали вступать в комсомол?

Ну, принуждать — не принуждали, но сказали так, что если ты не будешь комсомольцем, то ты руководителем никогда на работе не будешь. Ну, это не исполнилось. Я был руководителем по специальности по своей. Работал мастером в цеху механического завода. И там уже то, что начальник не судимый, и то, что я пострадавший от репрессий, мы одинаково получали зарплату, одинаково были руководителями в этом цехе. Так что, я не чувствовал уже такого больше. А вот матери написали параграф этот, я рассказывал вам. У меня параграфа никакого не было в паспорте.

01:50:26

А много было таких ребят, кто тоже не вступил в комсомол?

Были, конечно, по разным причинам люди иногда не вступали. Кто-то вообще считал, что раз безбожие, значит... там необязательно адвентист, адвентистов так все так одинаково. Я знаю и баптистов много, и православных даже много было. И других, пятидесятников допустим, да. Которые не могут, а там если взять ислам, магометан — они пятницу считают святой день. Там Магомед им сказал в пятницу. Так они тоже в пятницу не могут служить. В общем, много таких моментов. То есть, люди разные, очень много людей, все по-разному понимают. Вот, такое понятие. Вот я помню, когда служил там на севере, там нам пригнали штрафников, которые не захотели вступать в колхозы, там, эти с юга, киргизы, разные там, туркмены. Их в колхозы загоняли, а они не хотели. Их на север вот туда, вместо со мной туда, добывали мы лес. Они там своих идей не оставляли все равно. Они как были мусульманами-магометанами, так и оставались все равно. Так и я тоже самое. Так что, с нами морочили головы офицеры, но все равно понимали, что мы не на плохом пути. Я никогда никакую школу не сделаю, мне доверяли большие ценности. Допустим, в армии, когда я кладовщиком работал, капитанармусом

называлось. Потом, вот здесь мы проводили целый ряд компаний этих, евангельских. Меня казначеем назначали. Даже некоторые удивлялись, почему адвентист стал казначеем. Они честные люди, они не украдут ни копейки, потому, что это не их. И у нас всегда это было. Я люблю учет вести. Я даже дома веду учет. Все расходы и приходы у меня на бумаге записаны. Просто так привык, чтобы все было прозрачно, все было нормально.

01:52:42

А после того, как папу арестовали, как Вам мама объясняла, как дальше жить?

Ой, этот вопрос был очень на повестке дня стоящий. Мне как-то сон приснился, что мама умирает. Мне еще было там мало лет, и мама умирает. И я как бы подошел к могиле мамы и говорю: «Мама, ты ж мне скажи, как дальше жить. Прости». Наяву такого, конечно, не было. Я вам такие примеры уже приводил, что когда я остался один, ни мамы, ни папы, а мне надо еще закончить техникум, защитить диплом, то Бог помогал. Помогал просто Бог. Вот эти чертежи я чертил, получал за них деньги. Сам посуществовал и маме даже помогал. Так что Бог всегда помогает, если мы, конечно, доверяем ему.

01:53:38

А когда папу арестовали, с момента ареста папы и до момента, как мама уехала, сколько времени прошло?

Сколько времени? Сейчас скажу. Значит, я защищал диплом, это был 1944-й год. Шесть лет.

01:53:57

Но сначала, я же правильно поняла, Вы же с мамой уехали в Рыбинск?

Да, да.

01:54:03

Расскажите, пожалуйста, как вы уезжали, как вы собирали вещи. Какие вещи вам разрешили взять, как вы планировали путь?

Ну, вот смотрите, сейчас вот есть контейнеры, которые загрузишь весь скарб свой, и хоть на север, хоть на юг, куда угодно повезут. Тогда этих контейнеров не было. Что с собой взял, то и у нес. А нам дали сутки. Что мы могли сделать? Мама взяла, что могла взять. На меня нагрнула рюкзачки. И все. И приехали, ни кола ни двора, ничего нет. Незнакомый город, нигде ни знакомого, никого. Устраивались. И когда она просила поездку разрешить ей съездить в Питер, съездить сюда, тут же мебель хоть бы продала, деньги там — не разрешали.

01:55:00

А где вы там жили?

Там снимали квартиру, сначала снимали в городе. Но дороговато нам было. Мама на работу устроилась, на заводе работала. А я же учился еще. А потом переехали в село. Там три километра от города. Я вот помню, такие заносы большие, снежные. Ночью мама возвращается с работы. Собаки ее кусали по дороге, пока она дойдет до этой деревни. Транспорта никакого не было вообще, пешком. Помню, встречал ее часто так. В общем, тяжелые такие условия были жизни. Но вот то, что нам сочувствовали люди, то это точно. Вот даже те хозяева, у которых мы жили. А дети так, шалтай-болтай, знаете, папа, мама дома. И вот да, они закончили школу. И вот в техникуме когда учился, вот нам тоже в другом месте, мама двоих детей, тоже они учились на одном курсе со мной. Просили тоже: «Олег, если ты можешь, помоги ему закончить техникум. Я же хочу, чтобы они хоть какой-то кусок хлеба имели. Какую-то специальность. А они такие у меня несерьезные». И вот мы с ними тоже, помогал я им. Они не брали с нас квартплаты. Хотя, там каморка была маленькая. Не знаю, может там, если было там пять квадратов, то хорошо. Ну, вот так вот. Да.

01:56:33

А мама куда-то на работу...?

А мама работала, да. Мама работала, всю войну она работала. Ну, смотря где, в разные периоды времени. Помню такой случай, мама работала в заводе вахтером, на проходной там, на механическом заводе в Рыбинске. А у нас украли карточки хлебные, да. Вот, значит, мы молимся: «Господи, видишь, у нас нет ни кусочка хлеба». Там по карточкам давали мне 400 грамм, ей 600. Вот, в общем, килограмм на двоих давали на день. Карточек нет — хлеба нет. А больше нечего кушать. Нигде в магазинах ничего нет, нигде ничего не купишь. Да и денег нет.

Ну, и вот молились Богу, чтобы Бог дал кусочек хлеба. И вот такой случай. Она говорит: «Сижую там, дежурю, смотрю едет на санях такая .. хлебовоз, везет хлеб. А сзади два пацана прицепились к нему, к этому ездovому. Но он сидит впереди, а сзади стенка свободная. И полозья эти торчат, они на полозья встали, вырезали стенку там ножом и буханки хлеба значило, это оттуда несколько штук выкинули, схватили. А буханки тогда большие были. Схватили по буханке пацаны, по две буханки и удрали. Ну, побоялись, что кто-то спохватится и все». Вот, и одна буханка упала, значит, около нее, а другая чуть дальше. Две буханки еще лежат. Думает, придет же ездovый, спохватится, что не хватает у него там. Пусть и берет. И никто не приходит. Она зашла, взяла эти буханки. Принесла. Так до утра никто и не пришел. Она принесла их домой, как раз такая была радость, что Бог послал нам в нашу нужду кусочек хлеба. Я помню, за одну буханку, мы поменяли ее на кастрюлю. Кастрюли не было, в чем варить первое. Мы отдали буханку хлеба, а нам дали кастрюлю. А вторую буханочку так растягивали, пока не получили карточки, значит, да. Вот такая история была. Бог не оставляет, если ты Его любишь, служишь Ему.

01:59:06

Расскажите, пожалуйста, о начале войны. Вот тот день, как она началась для вас.

Начало войны. Ну, во-первых, я хочу так сказать, это мое мнение. Может, конечно, я ошибаюсь, что вот нас Бог отсюда выгнал, можно сказать, чтобы мы не были в Питере. Мы бы, может, от голода поумирали бы во время блокады. А то в Рыбинске — там бомбежки не было. Была бомбежка, но такая редкая, там несколько раз пролетал там немец, сбили его, он упал там, на площади показывали его, этот самолет. Я туда тоже ходил, все смотрел. И думал, не сидит ли там за углом фриц какой-то. Нас напугали, что они в чешуе, с рогами там, такие. А потом как-то пленного увидел. Такой же мужик, как и наши. Только рыжий. Все, больше ничем не отличается. Ну, и так как-то себя убедил, что вся эта пропаганда, а на самом-то деле, это люди обыкновенные, воюют против нас, а мы против них. Ну, вот такое вот. Нам сообщили, вот, Левитан, помните, сообщил, что Германия без предупреждения напала на нас, и теперь, значит, начинается война. Ну и мы сразу что сделали, скажу вам сейчас. Во-первых, поехали в магазин, чтобы были продукты. Знали, что во время войны продуктов не будет, все будет на фронт. И были такие возможности купить крупы, перловой, вы знаете перловую крупу, да? Я помню, я привез два мешка перловой крупы. В 1941-м году это мне было двенадцать-тринадцать. И, значит, привез эти два мешка, и эти два мешка нам помогали выживать. У нас каша эта была спасительницей. И вот помню, первая бомба летела, прилетел «Мессершмитт» и бросил сначала бомбы на склад, в котором хранились боеприпасы. Видимо, им было известно, что там эти боеприпасы. И шесть бомб он бросил на этот склад! Но ни одна из них не взорвалась. То есть, в Германии были антифашисты, и они откручивали эти, когда надо конечно, откручивали взрыватели, бомба падает, а не взрывается. И если бы эти бомбы взорвались, то тут бы и Рыбинску не избежать разорения, потому, что там очень много было боеприпасов, потом уже мы узнали об этом. Женщины в этот момент на стенки лезли прямо, такие картины: лезет соседка на стену такая, в сорочке выбежала, не знает, куда деваться, тут дым, и так далеко упали бомбы... на больницу там упала одна бомба, одна на этот дом, разорила его. Потом стали к нам приходиться люди. Тревога когда — к нам домой приходили люди и у нас спасались. А мама спрашивает: «Почему к нам приходите?» — «А с Вами же Бог». И вот такая, может быть, смешно, конечно, сейчас, такая тенденция — как только начинало бить, все головы под койки, а попки торчат. Страх, как говорится, загонял вот так людей. Ну, слава Богу, нас ни разу не ранило в Рыбинске. А так, вообще были моменты, очень такие, серьезные, много бомбили там. Разбомбили авиационный завод, который выпускал моторы для самолетов, в Рыбинске такой завод был. Ну потом, много зданий разрушили. Даже помню такой случай, что один мальчик, я иду в школу, и он все время: «Эй, ты, богомол», и в меня камешки бросал все время, меня допекал. Ну я ему ничего так плохого не сделал, не обзывал его, не ругал, ничего. Старался, чтобы камень в меня не попал, и проходил. И бомба упала, одна упала бомба в речку, вторая упала в парники — там колхозные парники были, а третья упала точно в их дом. В центр дома попала бомба, и от дома осталась только воронка, самого дома как будто и не было — частный домик там был у них — и не было. И я иду, смотрю — воронка такая большая, вот, ну и смотрю, там они ковыряются, этот мальчик ковыряется, там его мама ковыряется, в котловане в этом. Я подошел: «Может помочь вам чего-то?» И вот мы с ним выбирали там, помню, сундук там вытаскивали, нашли там портрет его отца, отец у него офицер, на фронте там, вот... и вы знаете, мы после этого подружились. Да, друзьями стали. Так вот, бывают такие случаи. Да, и очень много, конечно, зла сделали немцы, очень сложно было тогда жить — продуктов не было, голод такой, люди пухли от голода, продавали все за бесценок, лишь бы только кусок хлеба был. Ну а нам Бог помогал. Я тогда научился фотографировать, и значит, мама работала в родильном тогда, там женщина рожала, а у нее муж фотограф. Ну, как-то познакомились, и говорит: «Пусть приходит Алька к нам, мы его научим фотографировать». И вот я там приходил, он меня научил фотографировать, и я фотографировал, хороший заработок у меня получился. Потом, значит, научился, я уже сам учился, подшивал валенки и клеил галоши, и там, в общем, разные, клей делал сам. И ходил по хатам, по деревням ездил. Еду туда, они мне картошки давали. Денег тогда никто не давал,

потому, что они бесценны были, ничего не купишь на деньги. Картошки давали там, кто кусок хлеба даст, еще чего заработал. Помню такой случай однажды: пришел в один дом, у них валенки надо было подшить, задники проломались, продырявились у девочки. Две девочки, у них двойня. И вот хозяйка нажарила картошки — большая сковорода такая, и на всю семью эту сковороду, сырую картошку на сливочном масле нажарила. Муж работал где-то заведующим складом, видно, хорошо они жили. Пока она ее готовила, такой аромат распространялся, я слюнки только глотал. Вот они пригласили меня к столу, и девочки сели тоже, они чуть-чуть поклевали, но они сытые: «Я не хочу, мама!» — «Я тоже». И ушли. Она говорит: «Хочешь, кушай столько, сколько скушаешь». Ну полная сковорода, большая сковорода. И я всю съел. Когда я от них ушел, у меня валенки тоже были готовы, то я боялся рот раскрыть, чтобы хоть аромат не вышел. Никакого чувства сытости не было, живот вроде полный — а голодный. Да, такое было. Или допустим, хлеб вот, когда помню, уже стали хлеб продавать свободно, в руки стали давать... по карточкам только было, а то и коммерчески выдавался хлеб. Думаю, куплю хлеба и наемся хоть раз. Да, и как раз девальвация была рубля, и вот у меня в кармане было 4 рубля, а каждый батон стоил 2 рубля. На новые деньги я купил 2 батона на 4 рубля, и то есть я все деньги потратил, не осталось ни копейки. И шел пока домой, эти 2 батона я съел. Вот такой живот — а я голодный. Вот такое вот чувство. Не наедались. Очистки ели, да, от картошки. Помню, я чуть не умер, отравился этими очистками. Мама там с одним евреем познакомилась, они нам очистки давали, и я ел очистки. Да, много таких моментов было, очень тяжело было, потому что все отдали на фронт, все ресурсы, а уже тыл выживал как мог.

02:08:17

А мама часто папу вспоминала? Говорила о нем часто?

Ой, что вы, конечно, конечно. Ей там снились сны разные, все она думала о нем, что он живой, где-то там страдает, я бы ему помогла там. Она очень любила его конечно, и он ее тоже, вот, поэтому тяжело переживала очень. Я уже говорил, многие предлагали руку и сердце, но она отказывалась: «Я буду Колю ждать». Все. А потом, когда уже узнали, она стала старенькая уже...

02:08:50

В каком году вы получили вот эту справку, первую [о том, что отец расстрелян]?

Первую, в [нрзб.]

02:08:58

Можете вспомнить тот день, когда вам эта справка пришла? И куда она пришла?

Она пришла по адресу на дом. На дом, и нам выдали вот ее. Тогда, конечно мы так сокрушались, она не верила все равно. Что он живой и так дальше. Ну а потом, когда уже в суде, в Питере, на Фонтанке есть народный суд нашего района, Калининского, то там нам сказали ясно, что был осужден по статье такой-то, расстрелян, а где похоронен, мы не знаем. И потом я уже ходил, узнавал, там сказали что Левашово, такая история. Мама очень его любила и очень все время тосковала. А то, что на нее нагнали страх эта милиция, НКВД, там целый год с лишним в Сибири, благодаря тому, что она отказалась. Ну в общем такая вот история, тяжелая была.

02:10:08

Что известно про год вот этой жизни мамы в Сибири? Как она там жила

Как она там была... А насчет там, так: в 8 часов их выгоняли на работу, они копали торф в болоте. Там комарья полно было, там не было спасения от этих комаров, они приходили домой такие вот лица у них пухлые, руки тоже — страдания эти были. Ну и общежитие было у них там, они жили холостяцкой жизнью, и она, конечно, там стенала под этим нажимом таким. Раз ты не хочешь сотрудничать, то тогда мы тебя сгноим. Они ей сказали, что и сына сгноим, но вот, слава Богу, не сгноили. Запугивали, в общем. Такая история была. Я помню, когда провожал ее в Сибирь, представитель НКВД стоял все время на перроне, смотрел, провожу я или не провожу. Ну я там правда держался так, не плакал, ничего, а когда проводил — зашел в подъезд, слезы текли. Никакой перспективы, мне надо закончить техникум, защитить диплом, ни папы, ни мамы, ни брата, ни сестры, ни родственников — никого.

02:11:55

Родственников потеряли, по отцу... дядя, то есть... еще ж были люди. Вот, и мы недавно нашли только. Они, вернее, меня нашли, не я их. Есть такая программа в интернете,

называется она «Ищу родственника», и там нашел фамилию Арефьев Олег Михайлович, Олег Николаевич то есть. У меня же дядя был Николай, может это и есть его сын? Ну и вот узнал, что я живу где-то в Петербурге, тоже по интернету, а больше он ничего не знает. Думает, как же мне его найти? Что он сделал: он предполагал, что я верующий. Раз отец был верующий, то и он верующий. Ну правда, он и не ошибся. И он послал свое сообщение на имя председателя общества по исследованию религии. А этот председатель общества — мой друг. Я тогда состоял в комитете, в научно-методическом совете, я член совета. А он председатель и он же, одновременно, председатель общества по изучению религии. А он меня знает. Он мне звонит сюда прям, говорит, что так и так, тебя разыскивают, я говорю милиция что ли, я вроде преступления не совершал. «Да не знаю кто, сказали, что Арефьева надо нам». Я говорю: «Ну дайте тогда координаты. Он же, наверное, оставил координаты» — «Да». И оставляет координаты». И, оказывается, что мой родственник находится в Малайзии. Это от того дяди, считай уже правнук уже. И мы по скайпу с ним связались и увиделись первый раз в жизни. Я говорю: «Я Вам задам три вопроса, прежде чем признать Вас родственником» — «Какие?» Я говорю: «Расскажите, как звали Вашу маму». Он говорит: «Маргарита». А это же моя двоюродная сестра! «Так хорошо, следующий вопрос — кем был Ваш дед?» Он говорит: «Он был инженер, закончил Ленинградский институт, технологический». Тоже совпало. Два. И третий, я говорю, что ... а что третье-то я задал? Ну ладно, не столь важно. Ну, в общем, он ответил положительно, что совпадает все. Тогда я говорю: «С этого дня я считаю Вас своим родственником». Конечно, встретиться нам еще до сих пор не удалось, но оказалось, что его родная сестра живет в Павловске, вот тут, под Ленинградом. Он дал мне ее координаты, мы связались, и мы стали их посещать, она была в пятницу, когда это было, ну в день моего рождения, короче говоря, день моего рождения, короче говоря. 1-го сентября был мой день рождения, мне исполнилось 88, и она приехала на день рождения. Так что, общаемся, друг другу помогаем, чем можем. И еще его брат родной, того товарища, что в Малайзии, в Москве живет. Он сюда приезжал на машине, мы тут были, ездили в Левашово, показал я ему там и могилки эти все. В общем, оказалось, что мы нашли друг друга. А Маргарита, моя двоюродная сестра, их мама, этих трех людей, она уже умерла, конечно, у нее уже и возраст приличный, но она еще и рано умерла. Рентгенологом работала, может быть, от того, что она рентгенолог, но, по крайней мере, родственники у меня теперь появились. А то не было ни одного родственника, нигде нету, нас так разогнали, и тех тоже гоняли, то на Урале они были, то теперь в этом... Волгограде.

02:16:16

Скажите еще, пожалуйста, про день окончания войны.

Окончание войны, я вам скажу такую историю. Значит, я заболел тифом, брюшным тифом, тогда эпидемия была в Рыбинске, брюшной тиф. А не знали еще, что у меня брюшной тиф, а что получилось, значит, снится сон, как будто бы из-за угла лапа такая, орлиная, опускается на меня. А я закричал. Мама мне говорит: «Что с тобой?» Я не могу говорить. Речь отняло. Она туда-сюда кинулась — а я уже холодный. Пригласила хозяйку, у которой мы арендовали комнатку маленькую, они там поставили самовар быстренько, нагрели воды, меня отогревали, привели, в общем, в сознание. Вызвали скорую, и меня положили там, где малярию лечат. И мне давали этот... хину [хинин], по-моему, вот, от нее глохнут люди, от этой хины. От этой лихорадки. И потом уже, после 12 дней как я пролежал там, температура все поднимается, поднимается, Выше, уже там 39, 40, за 40 пошло, и врач говорит: «У него форма №1». А я же не понимаю, что это такое. И потом, когда врач ушла, я спрашиваю там одну медсестру: «Что такое форма №1?» — «Да это брюшной тиф». И меня в феврале месяце положили на такую каталку и повезли, накрыли байковым одеялом. Пурга, такая помню, мороз, а я-то голенький, под одним одеяльцем. И я из теплого помещения попал, значит, на мороз, потом меня в другое отделение отвезли, и я воспаление легких получил, вдобавок к брюшному тифу. И я умирал. Уже считали меня, что я уже на том свете, все эти сотрудники говорили, даже в список не записали, что я живой. Мама приходит меня навестить, а меня в списке нет. Она как закричала: «Сын мой, сын мой!» И она побежала в отделение, где я лежал, а туда нельзя — инфекционное. В общем, короче говоря, узнала, что я еще живой, а я без сознания лежу. И вот 10 дней я без сознания лежал, и маму научили: «Ты сделай так. Возьми муравьиного спирта и дай ему с киселем, столовую ложку муравьиного спирта, и выздоровеет он». Молилась мама, конечно. И вот она сделала, напоила меня, но я не осознавал этого ничего. Потом сделали мне переливание крови, в общем, я пришел в себя и стал выздоравливать. И когда я выздоровел, буквально за пять дней до конца войны, я уже вышел из больницы. И я когда вышел, я пошел в туалет и ударился головой о перекладину — я вырос за это время на пару сантиметров. И когда объявили, что война закончилась, 1945-й год, тогда было 9-е число в мае, мы с ребятами прямо готовы до неба подскакивать были, радости было! Что теперь нас бомбить не будут, убивать нас не будут — столько было радости, ни в сказках сказать, ни пером описать. Так что, мы очень были рады, что закончилась, наконец, война. Ну, а начался голод, потому, что тогда три года подряд не было урожая, и у нас очень сложно тоже с продуктами было, очень сложно. Слава Богу, Бог помог, выздоровели и выжили.

02:20:37

Папа Вам сказал тогда [во время ареста] сохранять скрипку и не продавать. Как Вы ее сохраняли, на протяжении всего этого времени?

Ну, во-первых, я учился, это раз. Я потом ее брал в армию. В армии со скрипкой был. А там получилось, что нас угнали в одно место, а скрипка осталась в кладовке, а там крыша прохудилась, и капало, кап-кап, и верхняя дека — верхняя часть скрипки — лопнула. И я в Москве, потом когда вернулся, отдал ее в ремонт, мне так хорошо ее сделали, она у меня здесь. До сего дня. Так что, скрипка осталась. Как память от отца. Потом, от отца ничего не осталось, кроме скрипки. В этой статье вы читаете там, один брат написал эту статью. Вот так что, что-то осталось от памяти. Память, конечно, светлая об отце осталась, естественно, осталась у меня. Один был я у них сын, ну и вся надежда у мамы была на сына, такая была система.

02:21:53

А что изменилось для Вас и вокруг после смерти Сталина?

Что было тогда... Ну, я вам скажу, что было. Когда Сталин умер, я закончил курсы, которые, я вам рассказывал, специалиста, водителя-профессионала, мне по специальности не удалось там устроиться. И, значит, пришел в гараж, этот момент, когда Сталин... на Красной площади, гудели гудки и остановился транспорт, и так дальше в Москве это было. Я в Москве в это время был. Выходит из офиса начальник нашей колонны, там 600 было автомобилей. На территории, где сейчас Храм Христа Спасителя, наш гараж был. И говорит: «Одна собака умерла — другая будет». Знаете, для меня это было, как меч по голове. Как он мог сказать? На Сталина так сказать! Оказывается, он рассказал про Сталина анекдот, что у него две жены было, и ему дали 10 лет. И он от звонка до звонка сидел. И у него зародилась такая неприязнь к Сталину, что он превознесен до небес. Но для меня это было дико, конечно. Мне было очень непонятно это его высказывание. Так что, когда война закончилась, все, конечно, были в недоумении — что мы будем делать дальше, что нас захватит Америка, что нас теперь растопчут и раздавят, мы будем рабами, «Сталин только спаситель наш» и так дальше. Ну вот так, настрой был, народ такой, трагедия. А потом боролись там за власть — и Берия там хотел быть, и другие, тоже между ними произошли там стычки, один другого хватали за горло. В общем, очень сложно это было, ну вот и постепенно, когда я уже стал работать, вскоре после смерти Сталина, мы восстанавливали разрушенное хозяйство. В Москве. Я лично участвовал в восстановлении гостиницы Комсомольская, на Комсомольской площади гостиница есть, знаете. Где три вокзала, там есть такая высокая гостиница. Вот я туда возил стройматериалы, и, в общем, старались восстановить как можно быстрее народное хозяйство. Построили вот эту гостиницу, она до сих пор стоит. Так что, такое дело.

02:24:58

А мама дождалась реабилитации?

Мама... она не дождалась реабилитации. 1969-й год. А вот когда я уже пошел, нашли ее документы, и в них оказалось что она реабилитирована. И потом я попросил выдать мне справку ее о реабилитации. Вот выдали справку. Так что, она тоже реабилитирована.

02:25:27

А мама не давала Вам такие советы, чтобы Вы были осторожнее, чтобы, не дай Бог, не повторили судьбу папы?

Мама у меня настроена была такая... очень ортодоксальная очень мама, по поводу религии она держалась очень крепко библейского учения, и поэтому и я воспринял смерть папы, как поступок героя, что ли, который оставался на корабле. Как капитан, уходя последним с корабля. Так и я считаю, что, если бы меня сейчас арестовывали, я не боролся бы, не сопротивлялся, не убежал бы, не прятался бы. Я готов был страдать за Христа. Так что, в таком настрое я и тогда был, и сейчас такой же.

02:26:26

Мы очень преданные Богу люди, которые не меняют что-то на что-то. Бога мы не хотим ни на кого менять. Свои убеждения исповедуем, причем, убеждения наши таковы, что делать добро людям надо. Все знают, вот соседи наши, все знают, что мы верующие, мы не скрываем это. И вот представьте себе, приходят иногда: «Вам не нужна тумбочка? Мы ее выбрасывать хотим». Ну, я посмотрел, там колеса поломались, она не работает, не двигается, ничего. Я говорю: «Ну если она Вам не нужна или я, давайте, заплачу» — «Да ну что Вы!» Ну, я ножки подделал, теперь хорошая тумбочка. Потом, значит, на следующий день приходит и говорит: «Вы знаете, я там делал шмон, сейчас не носят уже такие вещи, но вы, как старые люди, вам, наверное, пойдут такие вещи». И дает пальто для Нади, моей супруги, и куртку для меня. Ну куртка

такая, сейчас такие не носят, но такая теплая хорошая куртка, я говорю: «Ну что Вы, мне неудобно брать от Вас». Им что-то надо сделать, всегда я делаю, так что они считают тоже себя в должниках, а я у них считаюсь должником. Как-то тут, собака, у них большая была, села на окно, она всегда на окне, и выбила раму. Она говорит: «Что мне делать, Олег Николаевич?» Я говорю: «Так давайте я Вам вставлю» — «А что, Вы можете?» — «Так, а что тут такого особого, Вы мне размеры дайте». А вы вот видите, у меня тут за вами, у стенки стоит желтая эта, стекло стоит. У нас есть участок земли, а там есть парники. И я готовлю, мало ли, там пробьется, разобьется, я отсюда отрезаю и туда везу. И я сюда отрезал, ей поставил. Она такая довольная, что не надо куда-то бежать, куда-то обращаться с этим стеклом. Раз — и сделал человек. В общем, мы живем так, по-братски. Другие соседи тоже очень положительно относятся.

02:28:40

Расскажите пожалуйста, когда Вы, в каком году, ознакомились с материалами дела папы и мамы?

Ну это уже не так уж и давно, потому, что все это было засекречено, и они не могли знать, что и как. А теперь вот, я уже, по-моему, вам рассказывал, что я сходил в Белый дом сюда, и там мне нашли документы отца. И все эти документы в большой папке хранятся там по сей день, и мы узнали всю правду, как она была. Поэтому, может быть, сейчас стараются их скрыть, не дают особо. Когда я приходил, это лет пять тому назад, наверное, было, то там можно было, к ним доступ имелся, теперь уже сложнее стало: «А для чего Вам, зачем?» Может быть, они боятся таких разговоров, какие мы ведем сейчас, может быть, не знаю, какими мотивами руководствуются, но не особо-то отдают. Но, если я докажу, что я его личный... сын, его сын, то доступ еще есть. Пока что. Вот Разумов добился, как председатель этой комиссии по восстановлению имен, он добился, чтобы был доступ его и его сотрудникам. И вот они очень много, большую работу сделали — собрать столько, вверху, вивдте, стоят синенькие — вот это все его труды и его команды труды, где они восстановили имен столько. И я с ним беседовал, он говорит, что пока живу, буду все время стараться восстановить имена тех, кто еще не восстановлен. Такой он человек положительный, да. Вот такие вот дела у нас после войны уже стали.

02:30:36

Мы разговаривали с некоторыми репрессированными, и они боятся смотреть материалы дела папы или мамы и оставляют это закрытым. То есть, не знакомятся с ними, потому, что боятся сильного какого-то эмоционального потрясения. Вам было тяжело знакомиться с этими материалами дела? И почему Вы решили, все-таки, знать вот эту правду, которая, собственно, вовсе и не правда.

Ну, во-первых, потому, что, все-таки, я понимал, что я должен в конце концов знать, где кости моего отца. Первое, что хотелось мне знать. Я узнал. То есть я уже, сколько лет с 1938-го года прошло, я уже пережил такую остроту вот этого всего события, что там случились с отцом, ну а теперь мне хотелось узнать, куда хоть цветочки принесу, когда там вспомним про него, приходим туда на могилку и там совершаем служение. Вот, и 30-го октября бывает день поминовения, каждый год туда мы тоже ходим и там встречаемся с такими горемыками как и мы. Знакомимся друг с другом, там же нам дают кашки поесть с этой ... говьяжьими консервами, гречневой, по стакану кофе наливают. Кухня приезжает [полевая] военная, там около входа, в этот мемориал, там это делается. Туда очень много милиции всегда съезжается, боятся, что напакостить может, там же столько людей приезжает. Так что, еще много таких, как я гавриков, которые даже, может быть, даже мои дети туда ездят, то есть, есть люди, которые помнят, память отдают тем, кто погибли ни за что, совершенно.

02:32:39

А когда Вы смотрели дело, были ли там части, с которыми Вам не дали познакомиться?

Нет, они все дело отдали мне, сколько я сидел, минут пятнадцать и листал, еще раз повторюсь, что невозможно было копии сделать, я не имел на то право такого, тогда не разрешалось. Вот когда маму уже я нашел, документы мамины, это уже повторно я был, да. Ну, чтобы сказать, что я боялся туда приходиться — я не боялся, потому, что ну что теперь бояться. Если государство признало, что оно ошибается и извинилось перед всем народом. Все-таки, правду-то надо знать. Поэтому я руководствовался такими мыслями, чтобы узнать об этом.

02:33:24

Что Вы нового тогда узнали из материалов этого дела?

То, что он оклеветан, неизвестно, почему так оклеветан, за что. Я-то его знал, как говорится,

не поверхностно так, а внутри. Я видел, какие у него настроения. Он никогда не влезал ни в какую политику, ни в какой там партии или контр, там, партии не участвовал, в таких организациях, которые делали террор там, еще что-то такое. Тогда, вообще-то, террористов таких не было таких у нас в стране. Ну вот, и поэтому я знал такую чистоту его, искренность, чистосердечие, и вдруг его оклеветали так, просто ну ни с того, ни с сего. Да, и вот эта причина этого преступления, до сих пор я не знаю. Я не знаю, никто не дает ответа на это. Ну вот в разных телевизионных передачах иногда говорят об этом, что причина какая. Кто гадает так, кто по-другому. Толком никто не знает. То ли это потому, что Сталин был болен, то ли потому, что надо было так сделать, чтобы мыслящая прослойка населения, как бы сказать, элита России, она была обезглавлена. Может так. А правда это, неправда — утверждать можно, а можно и опровергать. Поэтому, сейчас я не вникаю в эти споры, потому, что много очень этих споров. Я понимаю только одно: Бог допустил это, и может быть потому, что это был его расцвет духовной жизни [отца]. Вот есть такое место в Библии, я на него основываюсь, это в 57-й главе Исаяи, там говорится, что «праведник восхищается в лучшую пору, и никто не возьмет так сердце, что праведник восхищается от зла». Может быть, в будущем моего отца, вот если бы его, допустим, не расстреляли, было бы у него какое-то отступление от Бога или что-то еще. В Библии есть такие примеры, когда, тот же князь Ездра просил, Господь через пророка ему говорит: «Вот на кровати, которой ты лежишь, ты больше не встанешь, сделай завещание». Он отвернулся к стенке, стал плакать: «Господи, сколько я тебе сделал для этого храма хороших дел, почему ты меня так укладываешь на покой, я еще в расцвете сил». И продлил ему жизнь Бог на 15 лет. За это время у него родился сын, Манассия, который ввел во грех Израиль. Ну, это библейская история. А Бог не хотел этого, чтобы народ страдал, ну вот Он пошел навстречу ему, и так получилось. Следовательно, я так пристраиваю этот текст к моему отцу, что, может быть, Бог усматривал, что где-то там дальше он будет, еще хуже что-то случится, что он, может быть, сделает не то, что Богу угодно. Ну, а у Бога все живы, потому, что Бог воскресит всех людей, которые умерли. Которые в вере умерли, которые без веры умерли. Которые делали добро, сказано о воскресении жизни, а делавшие зло — воскресение осуждения. Вот и все. А все воскреснут, и все увидят: кто спасен — Бог заберет к себе, кто не спасен — Бог покажет каждому человеку, за что Он его отвергает, почему Он не принимает его в Свое царство. Каждый человек будет знать, за что он погибает. Сейчас Бог проповедует Евангелие. Евангелие очень простая вещь. Оно говорит о чем: «Он придет, чтобы спасти народ Свой от грехов их». Христос. Когда Мария зачала, зачала от духа святого, и ей ангел сказал, что Он придет, чтобы спасти народ Свой от грехов их. То есть, чтобы спастись, надо быть Его народом, а чтобы Его народом быть — надо вступить с ним в завет или в договор, как мама говорит. А этот договор заключается через водное крещение, когда мы крестимся во имя Отца, Сына и Святого Духа, принимаем крещение, вступаем в завет с Богом, обещаем служить в доброй совести. От нас вот этого Бог хотел бы. Ну и, конечно, в жизни христианской чтобы мы соблюдали законы Божьи. Вот и все, что хотел бы Бог от нас. Так что соблюдайте, пожалуйста, закон Божий. Это для вас будет большое благо.

02:38:05

Спасибо большое Вам. Давайте сейчас посмотрим фотографии, Вы говорили, что есть какие-то альбомы у Вас, да?

Да, есть.

02:38:15

И посмотрим...

Документы?

02:38:20

Ну да, мы уже их посмотрели...

02:38:29

Олег Николаевич, расскажите, кто на этих фотографиях.

Ну вот это мой отец, когда он был молодой. Еще до брака. А это моя мама, до брака. Тогда, видите, такая мода была — одевать такие панамки, вот такие вот длинные сапожки у нее были, на шнурках. С подружкой своей. А это вот в первой ссылке, это было в Холмогорах. Да, это мой папа. Это моя мама, это был 1930-й год. 1930-й год. Ну это тоже из ссылки. Я все собирался к папе за яблоками, но потом я узнал, что там нету их, в Мурманске. Его потом в Мурманск переслали, я уже рассказывал. Можно перелистывать? ... Вот это, когда я вернулся из армии, я сфотографировался с мамой на память. Вот на момент моего возвращения, 1952-й год, маме 52, а мне здесь сколько было уже, 22 наверное. Вот. Я еще холостяком. Вот моя мама, вот.

02:39:56

Это какой период жизни, где она была?

В этот вот период жизни она находится город Красноармейск, Донецкая область. Это сейчас там вот война идет. Мы там тогда совершали служение, в церкви я совершал служение, а мама вот была такого вида. Вот она здесь стоит в саду, где мы жили, там были абрикосы, и вот цветет видите все, в цвете. Мама часто туда выходила и собирала. Вот последняя фотография моего отца, уже перед арестом он сфотографировался. Моя фотография как жениха, а это наша мама. Вы мне говорите, когда можно перелистывать.

02:40:57

Да, можно.

Вот это мы занимались миссионерской работой. Я ездил со скрипкой, играл, и мама моя хороший миссионер была, и рассказывали людям о Христе. Это самое главное, это по Донбассу мы ездили. Это опять, в том же самом месте, где мы жили, и потом родился у нас мальчик, вот такой вот. Назвали мы его Павел. Да, мы тут новобрачные. Ну вот этот мальчик у нас вот такой. Потом родилась девочка, Вера. Вот она у нас такая была малышка. Вот моя хозяйка, она работала медиком, в больнице. Между прочим, я ее взял из Москвы, из института Склифосовского. На меня персонал был настолько настроен против, что вот у них хорошего работника забираю. Вот такая была история. Но я говорю: «Вы знаете, вы поймите меня правильно, вы любите хороших людей, и я тоже». Ну и вот полюбили мы друг друга и все, что теперь делать. Да это все церковные такие моменты, когда моя мама участвовала там, вот она тут стоит и рассказывала о Христе людям. Она очень любила Господа. Потом малыш стал расти, вот он уже около кафедры стоит и рассказывает стихотворение там, такого, евангелиевского плана.

02:42:49

А Ваши детские фотографии сохранились или нет?

Есть но это в другом альбоме. Ну вот, он уже, видите, какой большой растет.

02:43:00

Да. Но это уже другая история, другого поколения. Давайте возьмем еще другой альбом, где Вы в детстве.

Я, да? Хорошо. Вот вы видите скрипку взял когда? Его бабушка, когда ездила сюда, хлопотала насчет своей реабилитации, она купила ему скрипку и привезла из Питера скрипку. Эта скрипка «четвертушка» называется — четвертая часть от настоящей. И вот он играл. Он очень музыкальный, вот у меня нет этого абсолютного слуха музыкального, а у него есть. И мне сказал учитель: «Если Вы не будете его музыке посвящать, то Вы большой грех перед ним будете иметь». Мы так по линии пошли — он закончил консерваторию и скрипачом сейчас, играет первую скрипку в оркестре государственном. Хорошо, давайте другое. Это я. Когда родился, и мне 9 месяцев здесь, я уже научился сидеть самостоятельно. А это папа после первой ссылки, первая фотография. Это где-то 1934-й, приблизительно, год. Папа освободился, приехал домой, и вот там сделали они эту фотографию на память. Это такая редкая фотография, что я еле нашел ее, такую фотографию. Можно перелистывать? А здесь мы в ссылке, это я такой был в ссылке, мы с мамой в ссылке, в городе Рыбинск находимся. Вот немножко по годам не совпадает. Это папа наш, там же, где мы фотографировались, только уже спустя годы, здесь мне, по-моему, уже лет, наверное, семь. Вот. Папа, мама, я. Вместе. А это я уже сам делал, с негатива, себя выгородил. Такая фотография. А вот это наш хозяин, вот этот вот человек, который давал нам в аренду жилье, в котором отца арестовывали. Это его закрыли там на защелку вообще, чтобы он не выходил, да, и он хорошее такое впечатление на нас оставил. А это вот в Ленинграде до ссылки, вот, жили там на Кировском одно время, и вот в этой квартире эти фотографии попали в НКВД, и ему пришили, что он, якобы, собирал, не знаю как квалифицируется там, но раз группа людей, может быть кто-то кого-то настраивал на кого-то, но он ни на кого не настраивал, он говорил чисто евангельского содержания, без всякой политики. А вот это его мама, Николай Михайловича Арефьева, он молодой, мы уже видели его, а это его мама. Она жила в Питере некоторое время с нами, когда мы жили тут в городе. Ну вот это мы в ссылке были, это я учусь фотографии, это моя первая работа, где я сам проявил, где я сам отпечатал, это первая фотография моя. В ссылке. Это тоже в ссылке, в городе Рыбинске мы находимся. Это наши хозяева, у которых мы снимали комнатку маленькую, в городе Рыбинске, в деревне. Деревня называлась Киселиха, такое название интересное. Это дети хозяйки.

02:47:26

А мама там есть на фотографиях?

Мама... она где то есть. Вот мама, тоже где-то в ссылке, вот это вот.

02:47:36

А вот это кто?

А это моя троюродная, уже будем говорить, сестра. По линии мамы, не по линии папы, а по линии мамы.

02:47:49

А здесь что?

А здесь я учусь и после учебы я еду в Брянск, и в Брянске я в общежитии живу вот с этими людьми. Вот с этими, там мои товарищи по жилью, работали на заводе. Видите, у меня в руках скрипка. Вот, когда им грустно, я им играл романсы.

02:48:12

Это та самая скрипка, которую папа оставил?

Та самая, да, у нас одна скрипка. На этой скрипке учился и мой сын, начинал учиться, а потом он себе купил, конечно, лучшую скрипку, потому, что я ему сказал: «Я тебе эту скрипку не отдам. Это у меня память от отца». Ну и вот он себе хорошую приобрел скрипку, да. А это комендант, который нам помог, комендант общежития, помог, надоумил, как сделать, когда паспорт, надо было этот параграф убрать. Он говорит: «Да вы потеряйте паспорт и все. И потом выправим вам, паспорт будет нормальный». Сделали уже, в конце уже всего. Ну тогда уже не так, может быть, этот 9-й параграф...

02:49:05

А это кто?

Это семья коменданта, ну это наши друзья детства, юности, вернее. А это вот я в армии вот такой был, видите какой, ветеринар. Вот я вам покажу, что я был ветеринаром — вот видите, все время лошади, вот я такой был, в Севере. Это я в Москве такой был, это типа авиационная была, в рядах авиационные... статзаграждение, а это видите, черный околыш, это стройбат. Это когда уже в ссылке были. Это я в таком доме жил, вот так я кушал, и так я за лошадьми ухаживал.

02:49:56

Секундочку...

Леса там были, ну лес такой, невысокий, тундра там, полутундра. А вот это уже я демобилизовался, это моя двоюродная сестра, и я оказался вот таким женихом, и тут скоро будет свадьба.

02:50:21

А где познакомились с невестой?

Там, в Москве. В Москве. Она была в Москве. А вот уже молодежь была, приходила к нам. Мы там у одних богатых людей были сторожами, когда я пришел. У меня же ни жилья, ничего — с армии. Мы у них сторожами были, а у них дача одна была в Крыму, а другая дача в Питере, то есть в Москве, и Москва, мы были, и к нам приезжала молодежь. Тогда запрещали молодежи собираться. Это все молодежь... Что еще тут можно посмотреть. Это все члены нашей церкви, это мы ребята молодые, которые были там, вспоминали день рождения, предположим, там отмечали кому-то. Ну и вот... теперь уже скоро и женатый буду. Вот мама моя, вот я играю, видите, на скрипке, да. На молодежном маленьком собрании. Мама рада, что я пришел из армии, да. А вот это здесь отец, вот это орган, на котором он играл, это уже было в том соборе, где около вокзала, но сейчас этой кирхи нет, ее снесли, там построили большущий дом. А вот еще тут фотография, тут папа есть тоже, сейчас найдем мы его. Так, где тут он у нас, что-то я тут его не вижу, или вот это он, по-моему. А вот это он, вот.

02:52:49

Покажите еще, пожалуйста, еще раз покажите, пожалуйста, где папа-то?

02:52:56

А когда была эта фотография сделана?

Это было где-то, сейчас скажу, может быть, чтобы не соврать, так, ну это было до 1929-го года, это был год где-то 1928-й, наверное.

02:53:18

А что это за собрание такое было?

Это делегаты, которые приехали сюда. Наши от церкви делегаты, которых церковь делегировала на съезд, это съезд был Северо-Западного объединения адвентистов седьмого дня. И проводился он знаете, где? На Васильевском острове, в соборе Михаила. Может быть, вы помните, недалеко от метро Василеостровская, там есть собор, вот в том соборе проводилось это.

02:53:56

А здесь папы нет? Нет папы?

Нет, здесь папы нет. Вот моя невеста. И вот ее жених. Вот она, невеста. Сейчас еще я думаю, что найду эти фотографии, потому, что они должны быть у нас. Где он совсем молодой еще.

02:54:33

Расскажите про этого человека, который...

Да, здесь вот он еще будучи молодым человеком... да нет, он уже немолодой, по-моему.

02:54:44

Это 1937-й год.

1937-й, да, ну, значит, это незадолго до ареста.

02:54:55

А кем работал папа на тот момент?

Папа работал медбратом в скорой помощи.

02:55:03

И еще, там в начале альбома есть фотография, где он с оркестром, со скрипкой...

А есть, да?

02:55:10

...в самом начале.

Вот, значит, моя мама играет на гитаре, а это тут, где он тут... а вот это он, да-да-да. Это он со скрипкой сидит вот. Вот это вот.

02:55:43

А где была эта фотография сделана?

Эта фотография, это какой год говорите? Написано, я плохо вижу...

02:55:51

1928-й.

1928-й, да?

02:55:53

1927-й даже, да?

1927-й, это было значит, сейчас скажу, это было, если это 1927-й год, это было в Нижнем Новгороде, в Нижнем Новгороде было.

02:56:10

А что там было?

Там была церковь, там было бракосочетание, между прочим, моего отца и мамы. Там они сочетались, когда приехали, они уже расписанные. Ну это была активная.. обязательно что-то делать, кого-то организовывать, мне нравилось, я старался им подражать, правда, не все получилось.

02:57:00

Ну вот эта ложная справка о смерти моего отца, которую получили мы в 1958-м году, о том, что он умер от возвратного тифа в 1944-м году. Но он был убит 9-го апреля 1938-го года, то есть, спустя немного времени после ареста. А вот эта справка, которая дана нам 4-го сентября 1958-го года, она говорит о том, что выдана Арефьевой Юлии Павловне, моей маме, в том, что Ленинградский городской суд от 18-го июня 1958-го года постановили... постановлением особой тройки НКВД Ленинградской области от 20-го марта 1938-го года в отношении Арефьева Николая Михайловича 1903-го года рождения отменено, в деле производством прекращено за недоказанностью его вины. Гражданин Арефьев Николай Михайлович по настоящему делу считается реабилитированным. К моменту ареста Арефьев работал медбратом Ленинградской скорой помощи. Председатель Ленгорсуда, подпись — Соловьев. А эта справка дана Арефьевой Юлии Павловне, 1900-го года рождения, уроженка поселка Чичково Вологодской области, проживающая по адресу: станция Ольгино, улица Коммунаров, д. 21 на основании решения комиссии НКВД по Ленинградской области от 26-го апреля 1938-го года была административно выслана без указания срока высылки в город Рыбинск, Ярославской области, как жена Арефьева Николая Михайловича, осужденного в 1938-го году к Высшей мере наказания за контрреволюционную пропаганду среди сектантов. Вместе с ней выехал еще сын, Олег, шести или восьми лет, восьми лет, да. Постановлением ОМГБ Ленинградской области от 31.03.49 Арефьева Юлия Павловна от дальнейшего пребывания в административной высылке освобождена. Постановлением Леноблисполкома от 28.08.64 года административная высылка Арефьевой Юлии Павловны отменена как необоснованная, примененная в 1938-го году. Арефьева Юлия Павловна реабилитирована. И начальник, Колбасов. Вот такая вот справочка. ... Не надо мне этой справки, что мне присвоили, значит, звание пострадавшего?

03:01:29

Мы сфотографируем, не на видео запишем, а сфотографируем.

А, пожалуйста. Справка выдана Арефьевой Юлии Павловне в том, что, по постановлению Президиума Ленгородского суда от 18-го июля 1958-го года постановлением особой тройки НКВД Ленинградской области от 20-го марта 1938 года в отношении Арефьева Николая Михайловича 1903-го года рождения относительно к делу производством прекращено за недоказанностью его вины. Гражданин Арефьев Николай Михайлович по настоящему делу считается реабилитированным. К моменту ареста Арефьев работал медбратом Ленинградской скорой помощи. Председатель Ленинградского суда, подпись Соловьев. Вот печать, и так далее.

03:02:46

Можно мы еще сфотографируем документы для нашего архива?